

Личность в контексте культуры

Анатолий Арсеньев

ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. Описываются философские представления о природе взросления, о трудностях и опасностях, через которые проходит подросток в своем личностном развитии. Рассматриваются основные этапы отрочества и юности, их характерные новообразования. Предлагается ряд художественных образов, которые отражают мироощущение подростка.

Ключевые слова: личность, подросток, обособление, подростковая рефлексия, рассудочная логика, разумная рефлексия, метафизическая интоксикация, подфаза юности, отношения «Я–Ты», «Человек–Мир», социализация.

Abstract. Philosophical notions about the nature of growing up, hardships and dangers through which adolescent passes in his personal development are described. Main stages of adolescence and youth their specific new-formations are examined. A number of artistic images reflecting world feeling of adolescent are proposed.

Keywords: personality, adolescent, isolation, adolescent reflection, rational logic, reasonable reflection, metaphysical intoxication, stage of youth, “Me–You” relationships, “Man–World” relationships, socialization.

Введение

В условиях современной цивилизации развитие личности стало сложной проблемой, поскольку основные параметры этой цивилизации (включая социальные отношения), определяющие ее так называемый «прогресс», носят обостренно антиличностный характер. Ничего особенно нового в этом нет: личность всегда находилась и должна находиться в сложных, большей

частью антагонистических отношениях с социальностью. Для философии это – прописная истина. Это признает и современная гуманистическая психология. Просто эта цивилизация приобретает все более формально-вещный характер, что является одной из причин ее кризиса и приближения к концу, а личность противостоит вещиности как ее противоположность. «Два предела мысли и практики (поступка) или два типа отношения (вещь и личность)... Процесс овещствления и процесс персонализации» [1, с. 370].

Наука исследует
частичного человека

В силу того что наука представляет собой форму знания именно о вещной стороне Мира, Человек как *Целое, как Личность* находится за пределами понимания и возможностей исследования науки (в том числе и научной психологии). Во власти научной психологии лишь *частичное исследование частичного человека*. Мои попытки привлечь внимание психологов к этой ситуации, в частности в докладе «Историзм и психология», в работе «Мышление психолога и проблема личности» [2, с. 193–210], а также в других работах, пока не увенчались успехом.

Занятия научной
психологией
и личность
психолога

Между тем ситуация такова, что занятия научной психологией губительно сказываются на психике самих психологов. Обеспокоенность этим обстоятельством, мне кажется, хорошо выражена в статье А. Айламазьян и В. Розина: «...психология познает... абстрагируюсь от эмоций, отвлекаясь от человека... Само психологическое знание, сама психологическая деятельность, все наши рассуждения и размышления в этой области не нейтральны для нашего собственного бытия, сознания. Мы разрушаем себя. Я наблюдаю за эволюцией студентов с первого по пятый курс... что же они узнают: оказывается, нет просто человека с его проблемами, нет души и ее переживаний; зато есть интроспекция, апперцепция, интериоризация, мотивация и прочие психологические структуры и процессы. Оказывается, нет вечных вопросов человечества, но есть ценности, установки, личностные смыслы... И вообще живых людей нигде нет, проблем, которые волнуют каждого человека, нет, зато есть психические структуры, субъекты, объекты, реципиенты и т. д. <...> Зачем вникать в сущность и тайну каждого человека, зачем постигать его личность, историю и переживания – ведь можно разложить его на отдельные структуры и моменты, научно познать их, ну а затем всему найти свое место... Кажется все здорово, но со стороны видно, что подобное психологическое образование и наука способствуют формированию в

самом психологе странной личности – амбивалентной, невротической, с искаженным пониманием обыденных проблем человека» [3, с. 15–21].

Неспособность
научной психологии
понять личность

Неспособность научной психологии понять личность особенно пагубна, когда дело касается подросткового возраста. Во-первых, потому, что это возраст активного качественного перехода от детского состояния к взрослому, со сложнейшими противоречивыми внутренними процессами преобразования всей личности (от физиологии до высших форм самоосознания себя и своих взаимоотношений с Миром). Во-вторых, в этом возрасте наиболее остро проявляется указанный выше антагонизм личности и социальности. Возникающие молодежные группы, организации, движения самых разнообразных направлений, преследующие различные цели и с различной мотивацией в основе, как правило, настолько не соответствуют принятым в том или другом современном социуме порядкам, вызывают такую тревогу у добропорядочных обывателей и даже структур власти, что получили название «молодежная контркультура».

Традиционная цель
– социализировать
подростка

Естественно, это привлекает пристальное внимание психологов, социологов, педагогов. Возникла и продолжает быстро пополняться соответствующая литература. При всем разнообразии предлагаемых в этой литературе подходов, способов взаимодействия с подростковыми группами, методов семейного, школьного и общественного воспитания подростков все эти подходы, способы и методы в подавляющем большинстве ставят одну и ту же цель – «социализировать» подростка, включить его в «нормальный» мир взрослых, сделать исправно функционирующим членом социума, «полезным членом общества». «Научная» психология по мере сил старается внести свой вклад в решение этой задачи, проводя эксперименты обследования, наблюдения, разрабатывая соответствующие методики и предлагая свои рекомендации воспитателям.

Между тем именно эта общая тенденция «социализации» подростка как формы его включения в общественную жизнь кажется мне разрушительной для его личности. Причем именно «научность» современной психологии приводит ее к поддержке этой вредной тенденции (о вредности ее будет сказано ниже). Я думаю, что основанием психологии, занимающейся личностью, вообще не могут быть наука и научное мышление. Не могут именно в силу их ориентации на вещную сторону мира и соответствующую логику. Таким основанием может быть фило-

Личность бесконечно шире наличной социальной и культурной действительности

софия. Причем философия, не порывающая со своим собственным основанием, а таковым я считаю первичное религиозное отношение «Человек–Мир».

Нельзя понять личность исходя из рассмотрения наличного эмпирического социокультурного бытия современной западной цивилизации, ибо личность бесконечно шире этой наличной социальной и культурной действительности. Наоборот, сама эта действительность должна быть рассмотрена как определенная переходящая фаза филогенеза личности, определенным образом связанная с ее онтогенезом, где ведущим оказывается в конечном счете онтогенез. Пытаясь исследовать личность в рамках наличного бытия, внеисторически, психология фактически имеет дело не с личностью, а с членом того или другого социума, культуры, этноса и т.п., то есть не с самостоятельным «целым в себе», а с частью чего-то другого.

Между тем *личность как высшая ценность, представление о которой сложилось в христианстве как об индивиде, обладающем бесконечной внутренней свободой и такой же бесконечной взятой на себя нравственной ответственностью*, не может быть частью чего бы то ни было, но лишь бесконечным универсальным Целым, эквивалентным Миру как таковому. Исторический подход к вопросу позволяет увидеть исторические истоки этого представления в христианстве, но и он ограничен, ибо не может справиться с парадоксальностью как самого христианства, так и личности. Кроме того, он остается в рамках конечных исторических феноменов и сам по себе не выходит в область бесконечного.

Идеи о предназначении Человека

В последнее время, в связи с глобальным кризисом западной цивилизации, многие умы обратились к восточной философской мысли и под ее влиянием стали возникать различные идеи космической роли, судьбы и предназначения Человека. Например, в современной космологии это различные варианты так называемого «антропного принципа». Стали популярными представления о человеке как «микрокосмосе», вспомнили ионийскую философию, стоиков и т.п. Записывают в «космисты» многих мыслителей прошлого. Однако здесь, мне кажется, выхода к личности нет. Во-первых, потому что Человек не только «микрокосмос», но еще и «микротеос», а во-вторых, потому, что мышление тех, кто об этом говорит, остается в рамках науки и соответствующей материалистической логики вещных отношений.

1. Психология и философия сегодня

Отделение
психологии
от философии

Как известно, более 100 лет назад происходило отделение психологии от философии и ее становление как самостоятельной экспериментальной науки, образцом которой служило и, к сожалению большинства психологов, продолжает служить «точное естествознание». В этом процессе психология приобрела возможность исследовать отдельные стороны психики, ставить соответствующие эксперименты, вводить количественные оценки, математическую обработку результатов, набирать статистический материал и т.п.

Раздробление
предмета
психологии

Но этот же аналитический подход привел к раздроблению самого предмета психологии. Появилось множество различных «психологий»: психология восприятия, психология мышления, психология эмоций, психология обучения, инженерная психология и т.д. Была утрачена целостность. Уже невозможно стало говорить о психике человека как целого, и, хотя в список психологий включалась «психология личности», было утрачено само понимание того, что такое личность, что является предметом или областью исследования этой пресловутой «психологии личности». Появилось множество различных определений личности и громадное число методик ее исследования. Предпринимались и попытки «целостного» исследования. Однако при этом сама логика научного мышления вела к анализу целого, его расчленению на возможные элементы или «единицы анализа», из коих потом предполагалось теоретически воссоздать целое. Та же логика требовала предположения о некоторых структурах, ответственных за те или другие психические функции, и о механизмах их действия. Появился соответствующий термин «психологические механизмы». Это направление психологии, в конце концов, вынуждено искать свое основание в психофизиологии, затем физиологии, затем, естественно, в биохимических науках и т. д., теряя предмет собственно психологии как таковой.

Другое направление ограничивается установлением отношений и корреляций между внешними, эмпирически регистрируемыми проявлениями психической деятельности в поведении, зачастую сводя их к отношению «стимул–реакция» и на этом внешнем уровне также пытаясь установить своего рода «механизмы».

Личность не
конструируется
из частей

Поскольку личность проявляет себя во всем многообразии жизни, возникает идея, что проблема личности – комплексная проблема, и вот, когда психология, фило-

софия, история, социология каждая исследует «свою» сторону или «кусочек» личности, тогда наконец можно будет приступить к синтезу этих кусочков, результатом которого и явится долгожданная теория личности.

Но в любой развивающейся органической системе началом является целое, и потому она неаддитивна, не складывается, не конструируется из частей. И поэтому, глядя на этих психологов, хочется сказать «вчуже труждаются люди сии». И хотя нельзя отрицать достижений «научной» психологии, касающихся собирания большой массы фактического материала и отдельных разработок, облегчающих индивиду усвоение знаний и адаптацию к нечеловеческим условиям современной цивилизации, методы этой адаптации зачастую направлены против его личностного развития и адаптация покупается дорогой ценой.

Главная потеря психологии

Но, пожалуй, главное, что утратила психология, отделившись от философии, это, во-первых, понимание человека как парадоксального, противоречивого, бесконечно-конечного существа; во-вторых, понимание органической универсальной связи Человека с Миром как целым.

Парадоксальность, бесконечно-конечность есть необходимое условие, источник энергии формирования Человека на протяжении всего антропогенеза, включая филогенез и онтогенез личности. А без связи с Миром как целым не может развиваться личностное «Я». Коротко говоря, психология утратила самое главное, что необходимо для понимания психики, то, что должно быть положено как начало любого размышления о Человеке, служить исходным пунктом – бесконечность отношения «Человек–Мир».

Понимание Человека и Личности не может быть получено без обращения к философии

Интеллектуальная «игра» с бесконечностью во всех ее формах и проявлениях – область философии. Основание целостности Человека и Личности, да и само понимание, что такое Человек (в пределах, доступных человеческому разуму), лежит именно в этой области. Поэтому естественный фундамент психологии находится в философии. Между тем, большинство современных психологов (за исключением небольшого числа таких, например, как С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм или В. Франкл) знают о философии понаслышке или по примитивным учебникам и курсам, которые годны лишь для того, чтобы сдать соответствующие экзамены, продемонстрировав никому не нужные знания. Это приводит часто к тому, что для теоретической респектабельности психолог хочет, чтобы философия подвела «тео-

ретическую базу» под то, что он уже открыл и обозначил в своих «научно психологических» понятиях. Он готов принять такую философию, которая скрепит авторитетом философских имен, теорий и категорий его наукообразные построения, а иногда даже он, чувствуя свою теоретическую беспомощность, испытывает нужду в таком «философском оправдании» и «подкреплении» задним числом того, к чему он пришел до и независимо от всякой философии.

Но поскольку в органической системе началом является целое, а в случае человека парадоксальное бесконечное целое, которое не может быть получено или выведено из чего-то положительно определенного, конечного, человек как личность остается за пределами современной научной психологии (и за пределами научного мышления как такового). Поэтому же современная психология очень мало заслуживает названия «научной», она скорее наукообразна, то есть стремится без особого успеха подражать точным наукам, теряя при этом свой предмет.

Таким образом, понимание Человека и Личности как бесконечно-конечного парадоксального существа, которое должно быть основанием психологии и в соответствии с которым только и могут строиться все психологические интерпретации и теории, само не может быть получено в психологии без обращения к философии.

Кризис современной философии и психологии

По моему (и не только моему) представлению, современная философия, как и психология (впрочем, как и вся современная цивилизация), переживает глубокий кризис. Она в значительной степени перестала быть любовью к мудрости и вырождается в своеобразную технологию мышления и конструирования понятий, понятийных систем и даже языковых конструкций. Ей тоже хочется быть научной, и даже, когда и не хочется, она все же в большинстве случаев остается в рамках логики новоевропейского рационализма и науки, в основании которой лежит субъект-объектное отношение, то есть вырожденная форма отношения «Человек–Мир».

Так же как психология оторвалась от философии как своего основания, философия оторвалась от своего основания – первичного религиозного отношения «Человек–Мир» (в первичной непосредственной форме представленного как «Я» – бесконечное божественное «Ты»). И произошло это в процессе секуляризации и десакрализации новоевропейского сознания и жизни.

2. О философии

Что означает
заголовок
философского
очерка

После вышеизложенного «обнадеживающего» размышления о психологии и философии читатель вправе спросить, что означает заголовок очерка и что за «глаза» я имел в виду, когда писал «Подросток глазами философа». Должен признаться, что в краткой форме ответить на такой вопрос очень нелегко, и я заранее прошу у читателя извинения за возможную неполноту ответа. Попробую начать с истории появления этого заголовка.

В 1964–1968 гг. мне довелось пережить переворот в моем отношении к Миру, который был связан, в частности, с новым для меня пониманием философии, ее предмета, цели, ее роли в самоопределении Человека в Мире (коротко переворот этот описан мной в статье «Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир») [4]. В центре внимания оказалось переосмысление представлений об антропогенезе, истории, онто- и филогенезе личности и т. д.

В 1989 году на съезде Общества психологов я выступил с докладом «Подросток глазами философа». Основные идеи доклада с дополнениями и разъяснениями составляют содержание настоящего текста. Нужно сказать, что большинство присутствующих на докладе психологов отнеслось к нему, мягко говоря, отрицательно, чего и следовало ожидать, поскольку собирало обильный урожай с идеи социализации подростка, против которой и был направлен доклад.

Кратко остановлюсь на некоторых основных философских идеях, лежащих в основе доклада, что позволит понять, почему в заголовке представленного очерка речь идет о «глазах философа».

Начало
антропогенеза

Началом антропогенеза является вспышка *рефлексии – трансцендирования* во всеобщей форме, возникшая в сознании нашего животного предка и приведшая к возникновению *отношения «Я–Ты»*, а при следующем шаге рефлексии к *отношению «Человек–Мир»* как двух бесконечных целых. Это и определило всю дальнейшую, уже не биологическую эволюцию человека, включая его морфологию. Эта эволюция проходила различные фазы в зависимости от доминирования рефлексии или трансцендирования. В бесконечно многообразных взаимодействиях Человека и Мира возникали ритмы различной частоты: фазы различного характера и длительности интерферировали, создавая картину практически бесконечной сложности. Однако всегда

существовала иерархическая упорядоченность, не позволяющая процессу рассыпаться в хаос.

Два поля
бесконечности

При этом все развитие оказывалось определенным двумя полюсами бесконечности: *бесконечностью потенциальной*, разворачивающейся как процесс «снятия» во времени каждой предыдущей конечной воплощенной формы формой последующей (представляющей, в определенном отношении, противоположную фазу развития); и *бесконечностью актуальной*, в области которой все, что в будущем может быть достигнуто в мире воплощения, уже существует, в том числе «проекты» форм, могущих воплотиться. Таким образом, настоящее оказывается результатом взаимодействия прошлого, наследием которого являются наличные готовые формы бытия, и будущего, несущего вышеупомянутые «проекты». Здесь возникает сложнейшая проблема свободы и «предназначения» Человека в Мире.

Для того чтобы быть личностью, человеку необходима связь с актуальной бесконечностью

Не касаясь проблемы свободы и «предназначения», отмечу лишь, что актуальная бесконечность – это «область» (если бесконечность можно назвать областью) вне времени и пространства, связь с которой необходима Человеку для того, чтобы быть самим собой, то есть в конечном счете личностью, которая именно в этом случае может быть представлена как индивид, обладающий бесконечной свободой и бесконечной индивидуальной, ни с кем не разделенной (нравственной) ответственностью. Когда непосредственность этой связи начинает разрушаться (с начала Неолита), возникает необходимость в специальных средствах, обеспечивающих эту связь, появляются различные исторические формы религий.

Вырождение
отношения
«Человек–Мир»
в отношении
«Субъект–Объект»

Наше время – конец фазы Неолита – характеризуется практически закончившимся вырождением отношения «Человек–Мир» в отношении «Субъект–Объект». Последнее находит свое завершение в господстве вещи, выражающейся, в частности, в технологическом отношении Человека к Миру и к самому себе.

Все это характеризует в основном западную цивилизацию с ее основой в рыночной экономике, с научным производством, демократией и всеми формами жизни, связанными с господством потенциальной бесконечности. О Востоке, существующем под эгидой актуальной бесконечности, я здесь не говорю. Во-первых, потому, что понимание личности как высшей ценности родилось в христианстве и отсутствует в традициях Востока; во-вторых, потому, что глобальная ситуация (в том числе и в России) определяется в настоящее время в

основном разрушительной экспансией западных форм жизни и массовой культуры.

Не имея возможности более останавливаться здесь на этих вопросах, отсылаю читателя к своей статье «Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа)» [5], где об этом сказано несколько больше.

Философия
новоевропейского
рационализма
уходит в прошлое

Я думаю, что философия (как она себя понимала до сих пор, особенно в новоевропейском рационализме) более невозможна и не нужна. Вместе с другими формами жизни и культуры, созданными после неолитической революции, она уходит в прошлое. Но в ней есть, наряду с конечными отжившими формами, такое знание о Человеке и Море, которое сохраняет свое значение для настоящего и будущего. Поэтому она должна быть не отброшена, но в гегелевском смысле «снята» (aufheben – отменять, устранять, сохранять, кончать, превосходить, прекращать, прятать...). Возникает задача, по-видимому незавершимая, отделения в философии временного от вечного. Я думаю, что в этом может помочь усмотрение конвергенции наиболее глубоких идей о Человеке и Море, независимо от времени и места их возникновения в философии, мифологии, религии, оккультных учениях, литературе, поэзии и т.д.

Философия
будущего как
глубоко личностная
форма рефлексии

Что касается философии будущего (я называю ее «постнеолитической»), то предметом ее размышлений и ее основанием должно стать первичное непосредственное отношение «Я–Ты», которое может быть понято как рефлексия бытия первого порядка, в тот момент, когда оно в процессе рефлексии начинает переходить в объективированное «Человек–Мир» – результат рефлексии второго порядка, сохраняя одновременно как основание и «свое другое» форму «Я–Ты».

При этом философия выступает как глубоко личностная форма рефлексии, размышления о Человеке и Море как бесконечных всеобщих нераздельных и противоположных полюсах. Это размышление не может самоотжествляться ни с какой конечной определенностью, будь то та или другая философская система, школа, логика и т. п. Философ должен находиться в позиции «внезаходимости» (М. М. Бахтин) по отношению ко всем этим построениям и говорить не от имени той или другой объективированной философской позиции, системы или школы, но только от самого себя. Это и означают в заголовке слова «глазами философа», то есть я говорю не от имени той или другой философии, направления, системы, но высказываю свои личные представления, не претендуя на их обязательность для

кого-то, а следовательно, не пытаюсь их «доказать», понимая их ограниченность, односторонность и гипотетичность, а также невозможность доказательства в области оснований и принципов.

Я назвал этот текст философским очерком, а не статьей, так как мне не хотелось бы, чтобы его читали как статью, тем более научную, строго ограниченную темой, сухостью и соответствующей логикой изложения, с научным аппаратом и источниками, помещенными в конце. Задачам, которые я в данном случае ставлю, более соответствует стиль очерка с отступлениями, примерами, повторениями, сравнениями и воспоминаниями.

3. О главнейшем новообразовании в психике подростка

Переломные
моменты
подросткового
возраста

О психических новообразованиях подросткового возраста и их роли в душевной жизни и поведении подростка написано очень много. Факторы, которые при этом обычно исследуются, связаны с двумя переломными моментами этого возраста: психофизиологическим – половое созревание и все, что с ним связано, и социальным – конец детства, вступление в мир взрослых.

Первый из этих моментов связан с внутренними гормональными и физиологическими изменениями, влекущими за собой изменения телесные, а также эмоционально-чувственные. Последние разворачиваются в подсознании и приводят в смятение сферу сознательную. Этот вихрь новых, сталкивающихся между собой и с сознательными установками чувств, желаний, мотивов и т.д. и связанная с ними неустойчивость, зачастую неожиданность для самого подростка, спонтанность его переживаний и поступков хорошо описаны в литературе – как психологической, так и художественной. В данном очерке эта проблема не рассматривается, но должна иметься в виду как мощная энергетическая основа и фон, на котором разыгрывается то, что происходит в сознании. Основой же собственно человеческого, личностного развития становится духовная, сознательная сфера, вступающая в конфликт с телесно-эмоциональной.

Второй момент – окончание детства и переход в мир взрослых – оказывается гораздо более сложным, чем представляется современным психологам и педагогам. Он связан, как я считаю, с *развитием в сознании подростка критического рефлексизирующего мышления в рассудочной форме. Это и есть определяющее новообразование в его психике.* Оно и создает основное ведущее противоречие в жизни подростка.

Две сферы реальности: «как надо говорить» и «как есть на самом деле»

Хорошо известно, что в младших классах школы большинство детей умеют отличать то, «как надо говорить», от того, «что есть на самом деле». И в зависимости от ситуации ребенок, разговаривая, допустим, с учителем и отвечая на вопросы, будет говорить так, как надо говорить, хорошо при этом зная, что «на самом деле» все обстоит по-другому. И это вовсе не значит, что он лжет. Просто эти две сферы реальности – «как надо говорить» и «как есть на самом деле» – лежат, если можно так выразиться, в его сознании «на разных полочках», не мешая друг другу. Его сознание еще в значительной степени продолжает жить по законам игры, когда любой предмет может, оставаясь самим собой, в то же время быть превращенным во что угодно. Перевернутый стул, оставаясь стулом, превращается в самолет, на котором он отправляется в путешествие. И для таких превращений вовсе не обязательна внешняя похожесть превращаемого предмета на предмет, требующийся по ходу игры. Наоборот, чем меньше эта похожесть, тем больше простора для фантазии и воображения. Мир игры существует по своим собственным законам, созданным фантазией играющего, и не входит в противоречие с убогим миром взрослых, где за каждым предметом закреплено его утилитарное значение. Так же как ребенок не лжет, называя стул самолетом и зная, что «на самом деле» это стул, так же он не лжет, когда говорит «как надо говорить», зная, что «на самом деле» это не так.

Форма, в которой рефлексировало его сознание, еще не приобрела способности (и необходимости!) критического сравнения этих разных «полочек».

Подростковая рефлексия характеризуется критичностью

Новая форма, новая фаза рефлексии, возникающая у подростка, характеризуется, наоборот, критичностью и непримиримым протестом против обнаруживаемых им противоречий. Он задает себе и окружающим вопросы: «Почему мне говорят одно, а я вижу совсем другое?». И если он заметит, что вы ему лжете, ваш авторитет воспитателя упадет до нуля, даже если он будет продолжать еще вас любить. Вы можете поставить его в ситуацию, когда в его душе одновременно будут и любовь к вам, и презрение за вашу ложь. И только вступив в юность как новую ступень личностного развития (если ему это удастся, и он не будет преждевременно «социализирован»), он сможет вас простить.

Наступает время ниспровержения авторитетов. Если в доподростковом возрасте взрослый (особенно «значимый взрослый») обладал для ребенка авторите-

том просто в силу своей взрослости, то теперь он требует доказательств тех или иных утверждений. И многие «истины», привычные в мире взрослых, он готов поставить под сомнение, пока они не будут проверены его собственным критическим мышлением, его логикой.

Рассудочная логика подростка – господствующая сила в его сознании

Рассудочная, то есть формальная, жесткая, силлогистическая логика овладевает умом подростка. Именно так: *не подросток овладевает этой логикой, но она возникает в его сознании как некая объективная принудительная сила*. Она требует на любой вопрос однозначного ответа и оценки: «истина» или «ложь», «да» или «нет». И это создает в сознании подростка определенную тенденцию к максимализму, заставляет его жертвовать дружбой, вступать в антагонистические отношения с близкими людьми, поскольку многообразие и противоречивость реальности и человеческих отношений не укладывается в рамки рассудочной логики, а он готов отвергнуть все, что не соответствует этой логике, так как именно она господствующая сила в его сознании, критерий его суждений и оценок.

По логике мышления подросток равен взрослому

Но ведь рассудочная, то есть формальная, логика господствует в окружающем современном подростка мире взрослых: в математике, науке (а ему их преподавали в школе) и вообще во всех вещных отношениях, включая и отношения социальные. Она и есть логика мира вещных отношений, господствующих в современной западной цивилизации. Таким образом, по логике мышления подросток равен взрослому. И это одно из главных оснований его требования, чтобы к нему относились как к взрослому, и его критики мира взрослых. Он видит, что взрослые бесконечно нарушают эту логику, совершают нелогичные поступки, лгут. Мир взрослых представляется ему чудовищно лживым, фальшивым и лицемерным (и здесь он прав, но совершенно в другом смысле, чем ему кажется). Это подростковое восприятие мира взрослых хорошо показано в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Подросток в определенном смысле «панлогист»: мир должен соответствовать его логике.

По содержанию сознания подросток остается ребенком

Будучи по типу логики мышления равным взрослому, по жизненному опыту и содержанию сознания подросток остается еще ребенком. Протестуя против лжи, лицемерия и господства над ним мира взрослых, он в то же время нуждается в душевной теплоте, ласке, понимании, одобрении и прощении взрослых.

Отвергая авторитеты, он одновременно нуждается в авторитете, в таком взрослом, которому он мог бы пол-

ностью доверять. И он может найти такого взрослого (или взрослый найдет его), который скажет ему: «Ты же умный, ты же видишь, что тебе лгут, тебя обманывают твои учителя, воспитатели и все, кто тебя окружает. А я тебе скажу правду и научу, как надо жить». И этот взрослый может оказаться членом мафии, вором в законе или еще кем-то в этом роде. Не буду останавливаться на всех возможных здесь коллизиях, они достаточно подробно описаны в соответствующей литературе.

Хаотичный
внутренний мир
подростка

Рассудочная рефлексия, приобретаемая подростком, разрушает его внутренний уютный мир детства, но также отталкивает (хотя одновременно и притягивает) его и от внешнего мира взрослых, который не выдерживает предъявляемых ему сознанием подростка критериев. У подростка создается свой внутренний мир, крайне противоречивый и запутанный, в определенной степени хаотичный. Не забудем упомянутый выше «фон», связанный с половым созреванием, проявляющийся в энергетически мощных импульсах чувств, желаний, эмоций, которые в принципе не могут быть уложены в схемы рассудочной логики. Соответствующие рецепты взрослых (чаще всего рецепты адаптации к миру взрослых) ничем здесь помочь не могут.

Возникает
тенденция
обособиться от мира
взрослых и создать
свой мир
сверстников

Появляется тенденция к обособлению и от мира детства, и от мира взрослых, к созданию своего собственного мира сверстников, внутренне синтонных друг другу. Возникает молодежная контркультура. Разнообразие ее направлений, мотивов и проявлений соответствует сложности и противоречивости души подростка. Каждое из этих направлений можно рассматривать как акцентуацию одной из сторон этой души, определяемую реакцией на индивидуальные условия жизни и индивидуальные же априорные задатки и качества.

Главное
противоречие
подросткового
возраста

Итак, исходя из всего вышеизложенного, *главным противоречием подросткового возраста можно считать противоречие между рассудочной формой возникшей в сознании подростка рефлексии, ставшей для него ведущей формой сознательного отношения к миру, и наличным миром взрослых, не укладывающимся в рамки рассудочности и в то же время провозглашающим рассудочность («сознательность») основанием своего бытия.*

Это противоречие присуще и современной цивилизации в целом с ее господством вещиности, экономики, науки, как выше было сказано. Но мир взрослых адаптировался, смирился, пожертвовал своим личностным началом – отмиранием целого измерения души, связан-

Современный мир
взрослых
компромиссный

ного с актуальной бесконечностью, продал свое духовное первородство за возможность стать потребителем вещей. Он создал для самооправдания соответствующую идеологию и мораль, скрывающие это противоречие. У подростка же противоречие проявляется как первозданное, *in statu nascendi* (в момент образования), не сглаженное, не завуалированное чечевичной похлебкой вещности, а потому во всей своей непримиримой остроте и обнаженности.

Современный мир взрослых компромиссный: при господстве технологически-вещного отношения в социальной сфере на индивидуальном уровне почти каждый пытается создать нишу квазиличностного существования, маскирующего в той или другой степени господство вещности, создающего иллюзию человеческих отношений, хотя технологичность и вещьность проникают и сюда, и только индивидам с высоким личностным потенциалом удается им противостоять.

Максимализм подростка не принимает этого компромисса, и возникают протестные формы подростковой контркультуры.

Таким образом, подросток, чувствуя себя по строю мышления равным взрослому, хочет войти в мир взрослых, «социализироваться» и в то же время он не может принять этот мир с его лживостью и лицемерием.

4. Что делать?

Ответы советской
психологии и
педагогике

Рассмотрим два принципиально противоположных ответа на поставленный вопрос.

Ответ «научной» психологии и педагогики*: нужно «социализировать» подростка, преодолеть его стремление к отчуждению от социума, найти методы и средства воспитания, которые помогли бы включить его в нормальные социальные отношения как «полноправного» и «полезного» члена общества.

Особенно настырно эту идею проповедовала советская психология и педагогика, поскольку было принято считать, что интересы индивида всегда должны быть подчинены интересам общества. При этом ссылались на К. Маркса, который в действительности занимал противоположную позицию и даже упоминал, что реальные интересы – это всегда интересы индивидов, а под име-

* Я пишу слово «научной», потому что есть и ненаучная, например клерикальная, антропософская и другая психология и педагогика. А в кавычки я беру это слово по мотивам, изложенным выше.

Общественно
полезный труд
как средство
социализации

нем общественных интересов скрываются тоже интересы индивидов, но только составляющих правящую верхушку общества.

Главным средством социализации провозглашается общественно полезный труд. В течение десятков лет наши идеологи, психологи и педагоги обманывали нашу молодежь, уверяя, будто однообразный конвейерный труд есть труд творческий, поскольку он совершается ради общества, является общественно полезным, хотя никакая полезность, естественно, не может ни изменить характер такого труда, ни устранить его разрушающее влияние на личность работника.

Само отношение полезности является не личностным, но чисто вещным. В социальном коллективе, где члены его рассматриваются как полезные коллективу, любой может быть заменен любым другим, лишь бы этот другой был бы не менее полезен. Вещное отношение К. Маркс, в частности, характеризует как «... всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [6, с. 106].

Задачи воспитания
в психолого-
педагогической
литературе

Практически вся наша психолого-педагогическая литература похожа на заклинание «социальной сущностью человека», «деятельностным подходом», «общественно полезной деятельностью», «коллективистической и индивидуалистической направленностью личности» как панацеей от проблем, связанных с трудностями воспитания.

Я позволю себе привести лишь несколько цитат разных авторов без ссылок, потому что это настолько общие и бесконечно, из страницы в страницу, повторяющиеся места, что указание имени автора просто неуместно: «...научно-доказательные и установленные исторической практикой положения о социальной сущности человека как личности»; «Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генетическая структура, способ действия – одним словом вся их природа, социальны»; «Невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности»; «Дело педагогики – помочь личности выполнить программу самореализации, будь то вариант коллективистической или иной направленности, получая при этом представление, что есть хорошо и что есть плохо с точки зрения социума в целом».

И вообще не личность – высшая ценность, а общество: «И если данному обществу требуется формирование у детей нового круга способностей и потребностей,

то для этого необходимо преобразование системы воспитания...», а главное в этой системе – общественно полезная деятельность: «воспитание детей в коллективе, основу которого составляет система общественно полезной деятельности, – это не один из ряда важных воспитательных принципов, а особый, качественно своеобразный подход к формированию растущего человека как личности».

Этот набор дежурных идей и понятий повторяется в нашей психологии и педагогике в течение десятков лет. И лишь один С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» сумел вырваться за его пределы [4].

Переходный возраст
с точки зрения
зарубежной
психологии

Освещая взгляд зарубежной психологии на переходный возраст, я сошлюсь здесь на книгу Мишель Кле «Психология подростка», изданную в Бельгии в 1986 г., а издательством «Педагогика» на русском языке – в 1991 году [7]. Аннотация рекомендует ее как «обобщающее историко-культурное исследование, раскрывающее социальные и психологические вопросы жизни ребенка в обществе». И, что касается «обобщения», это действительно так. Прилагаемый список использованной литературы включает более двухсот источников, среди которых и работы крупных исследователей – психологов, культурологов, этнографов. Автор рассматривает историю вопроса, а также особенности перехода от детства к взрослости не только в европейской культуре, но также и в примитивных культурах, где этот переход связан с обрядами инициации.

Общий вывод, к которому пришел автор, состоит в том, что «представление об отрочестве* как о времени страстей, потрясений и конфликтов, составляет часть иллюзорных, взрослых стереотипных представлений» [7, с. 52], «подростковый кризис – понятие без достаточных оснований» [7, с. 56]. Происходит «постепенное вхождение в группу сверстников, становящуюся каналом социализации» [7, с. 47].

В нашей литературе такая точка зрения также встречается. Например: «Утверждение о кризисности подросткового возраста является данью педологическим положениям о принципиальных отличиях детства от любого другого периода жизни, в связи с чем переход от детства к взрослости мистифицируется. Никакой принципиальной кризисности в подростковом возрасте нет» [8, с. 23].

* «Отрочество» – термин, которым автор обозначает возраст 11–20 лет; он предлагает заменить им термины «подросток» и «юноша», считая, что между ними нет какого-либо качественного различия. – А.А.

Условие перехода
к взрослости по
Ж. Пиаже

Рассматривая позицию Ж. Пиаже, Мишель Кле показала, что одним из важнейших условий перехода к взрослости является, согласно Ж. Пиаже, развитие формального мышления, способность к формальным операциям: «Пиаже считает, что развитие мышления до стадии формальных операций не только является основным когнитивным новообразованием данного возраста, но и лежит в основе всей эволюции психической жизни в отрочестве, большинство современных работ по изучению когнитивного развития исходят из идей Пиаже. <...> Стадия формальных операций представляет собой, таким образом, последний этап в развитии интеллекта» [7, с. 86].

Этическое развитие
по М. Кле

Этическое развитие Мишель Кле рассматривает в разделе «Развитие моральных суждений в отрочестве» [7, с. 99], посвящая этому вопросу четыре страницы и приходя к выводу, что «теорию морального развития в отрочестве еще предстоит создать, и можно привести три принципа, которые, согласно Гоффману (Hoffman, 1980), могли бы составить ее основу. Во-первых, подобная теория должна обобщить многочисленные данные о последовательной интериоризации моральных норм в детском возрасте, связывающей переживание чувства вины и подавление социально не одобряемых вариантов поведения. Гоффман добавляет к этому два принципа, сформулированных Пиаже и развитых Колбергом: развитие способности к принятию роли – то, что Гоффман называет способностью к эмпатии, и нарушение когнитивного равновесия, являющегося шагом к более высокому уровню равновесия, без иллюзий о существовании иерархии универсальных и заранее установленных моральных категорий» [7, с. 102–103]. Этими словами заканчивается раздел «Развитие моральных суждений в отрочестве», к чему и сводится вся проблема развития этического сознания. Можно только удивляться поразительному невежеству автора.

Автор считает, что весь рассматриваемый период взросления (отрочество) характеризуется стремлением к социализации, к взрослому статусу. «С этой точки зрения наше общество создало систему отторжения и ограничения подростков, фактически изгнанных со сцены социальной жизни, тем самым лишив себя свежести подросткового видения жизни» [7, с. 162]. Этими словами заканчивается книга. Итак, здесь тоже главная задача развития подростка – социализация.

Сопротивление
социализации

Однако отечественные психологи и педагоги считают, что значительная часть подростков сопротивля-

ется социализации и нужны специальные средства (вроде общественно полезного труда), чтобы преодолеть это сопротивление. М. Кле, опираясь на обширный материал западных исследований (в частности, на исследования Ж. Пиаже), полагает, что подросток жаждет социализироваться, но общество взрослых этому препятствует, средство же социализации – развитие формального мышления. Мне кажется, достаточно познакомиться с различными проявлениями молодежной контркультуры, чтобы убедиться, что почти все молодежные объединения активно противопоставляют себя современной социальности, что это – одно из проявлений глубокого кризиса нашей эпохи.

Обособление – необходимая ступень личностного развития

Ответ на поставленный в заголовке раздела вопрос «Что делать?», к которому я пришел, исходя из философских представлений о человеке, личности и логике развития органических систем, прямо противоположен описанному выше. Нужно помочь подростку «оторваться» от социума, от социальных отношений, от господствующих форм коллективности (К. Маркс называл их «мнимой коллективностью»). Это, выражаясь философским языком, «обособление», уход от внешних отношений и внешнего функционирования, самоуглубление, противопоставление себя коллективу – необходимая ступень (фаза) его личностного развития.

Примат индивидуальности над обществом

Представление о необходимости обособления в процессе личностного развития исходит из идеи примата индивидуальности над обществом, из того, что ведущими исторический процесс всегда являются индивиды; общество как таковое всегда консервативно и не обладает творческими потенциями. Это также достаточно общее место в философии, особенно в немецкой, включая К. Маркса.

Общество – средство, индивид – цель

А вот как об этом писал С. Л. Рубинштейн: «Не каждый человек есть средство для счастья общества, а деятельность общества является средством, целью которого является благо каждого индивида, его развитие, реализация им своих способностей – в этом полнота жизни человека как личности» [9, с. 359].

«Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность индивида» [9, с. 380].

А. Швейцер: «Поглощение современного человека обществом, поистине единственное в своем роде, это,

пожалуй, наиболее характерная черта его сущности. Общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает как готовый товар убеждения – национальные, политические, религиозные или атеистические – которыми затем живет [10, с. 53]. «Ясно одно: когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умалется решающая величина – духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа» [10, с. 69]. «Ни на одно мгновение не должно оставлять нас недоверие к идеалам, создаваемым обществом, и убеждениям, господствующим в нем» [10, с. 228].

А. де Сент-Экзюпери: «Вместо того, чтобы утверждать права Человека личности, мы заговорили о правах Коллектива. Незаметно у нас появилась мораль Коллектива, которая пренебрегает Человеком» («незаменимых людей нет». – А. А.) [11, с. 332].

Можно было бы умножать подобные ссылки, подключив сюда всю русскую философию и практически всю русскую литературу, начиная с Л. Н. Толстого. Я позволю себе еще лишь одну ссылку на К. Г. Юнга: «Против унифицирующего воздействия любых коллективных мер есть только одно средство: выделение и повышение ценности индивида. Требуется перемена образа мыслей, то есть реальное признание целостного человека. Это может быть только делом отдельного человека и, чтобы стать реальным, должно начинаться с индивида» [12, с. 100–101]. Так же думал, например, и Л. Н. Толстой.

Обособление в подростковом возрасте необходимо для того, чтобы перевести рассудочную форму рефлексии, господствующую в сознании подростка, в рефлексию разумную, где жесткость и однозначность понятий размывается и рационализм выходит за пределы самого себя. Этим переходом можно обозначить и переход от подросткового возраста к юношескому. Эта подфаза развития завершает собой фазу рефлексии, начинающуюся с возникновения рефлексии рассудочной, и вместе с тем делает возможным переход к фазе, где преобладает трансцендирование.

Говоря о нормальном переходе к взрослости, под «нормальным» понимается то, что юноша, полностью прошедший обе подфазы рефлексии, включающие в себя подростковую и юношескую (качественно различ-

Обособление подростка необходимо для перевода рассудочной рефлексии в рефлексию разумную

Возвращение из обособления

ные: в юношеской «снимается» и превращается в «свое другое» подростковая), готов из обособления вернуться в общество, но не просто как член той или другой коллективности, готовый в ней раствориться, не как конформист, но как самостоятельное «целое в себе», как личность. Его личностное «Я» способно вступать в общение с другим «Я» на уровне непосредственно отношения «Я–Ты» – личностном уровне, исключая, оставляя «внизу» или «вовне» социальные, культурные, семейные и прочие конечно определенные формы. «Исключительно острое ощущение другого человека как *другого* (здесь и далее выделено автором. – А. А.) и своего *я* как голого *я* предполагает, что все те определения, которые облакают *я* и *другого* в социально-конкретную плоть, – семейные, сословные, классовые – и все разновидности этих определений утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы. И общение этого *я* с *другим* и с *другими* происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [1, с. 186]. Под «последними вопросами» здесь имеются в виду вопросы героев Ф. М. Достоевского о смысле жизни и смерти, о Боге и Мире, о добре и зле, о свободе и т.п., то есть вопросы, затрагивающие области религии и философии.

Позиция
внеаходимости

Таким образом, возвращение в общество, в коллективность происходит так, что личностное «Я» не растворяется в коллективности, не самоотождествляется с какой-либо деятельностью, но, участвуя в деятельности, сохраняет свою самостоятельную целостность, находясь одновременно в позиции внеаходимости. «Не слияние с другим, а сохранение своей позиции внеаходимости...» [1, с. 324]. Можно было бы охарактеризовать такое общение как парадоксальное состояние неслиянности-нераздельности с другими «Я», входящими в ту или другую коллективность, при внеаходимости по отношению к безличностной социальной стороне коллективности.

Если попытаться схематически изобразить социальное общение (результат социализации) с личностным, то, вероятно, это можно было бы сделать примерно так, как показано на рис. 1.

Переход в фазу
трансцендирования

К личностному общению с «захватом» всей бесконечности Мира как целого подросток способен лишь после прохождения подфазы юности, подфазы рефлекс-

Рис. 1*

сии разумной, так как только она может перейти в противоположную ей фазу трансцендирования, выходя за пределы самой себя, открываясь в бесконечность, где возможно совпадение противоположностей, их перетекание друг в друга без саморазрушения.

Следует также отметить, что переход от подростка к юноше связан с существенным изменением этического сознания. Подросток готов признать необходимость норм морали (если ему ее докажут, что, в общем-то, не так сложно сделать, поскольку эти нормы могут быть обоснованы с помощью рассудочной логики) и требовать их проведения в жизнь, даже в тех случаях, когда голос совести (голос нравственности) протестует. Юноша уже способен рассматривать рассудочность и все конечные формы, определения и нормы с позиции «внезаходимости», видеть их ограниченность и условность. Он понимает и чувствует безусловность и бесконечность голоса совести, его приоритет над нормами морали и законами, и если не может в определенных ситуациях ему следовать, то принимает вину на себя.

От обособления в область актуальной бесконечности

Таким образом, «нормальное» развитие личности подростка требует не социализации, а противоположно направленного движения обособления и самоуглубления, в процессе которого осуществляется выход за пределы социальности и всех конечных форм вообще в область актуальной бесконечности, чем в онтогенезе личности и завершается очередная фаза рефлексии, включающая ступени (или лучше: качественно различные подфазы) «подросток» – «юноша», и открывается возможность трансцендирования, то есть возможность творчества во внешнем мире.

Я думаю, читателю ясно, что понимание терминов «подросток» и «юноша» я связываю не с возрастом (количество лет), а именно с теми фазовыми различиями, о

* Пунктирность социальной связи во втором случае означает ее вторичность.

Философ должен
начинать с общего

которых здесь говорится. Многие индивиды (и число их катастрофически увеличивается) в наше время не проходят подфазу юности и оказываются духовными эмбрионами, или духовными калеками, в течение всей своей жизни. Некоторые не дотягивают и до подростка.

Такое схематическое изложение моего взгляда на развитие подростка предпринято ради сохранения целостности общей картины. Оно, конечно, требует пояснений. Эти пояснения, по необходимости, тоже должны быть краткими и потому могут породить у читателя множество недоуменных вопросов и возражений, поскольку я вынужден ограничиться только экспозицией готовых результатов философского размышления. Ведь философ для понимания любого частного случая должен начинать со всеобщего (поскольку оно полагается как Начало), а это вовлекает в размышления громадный материал, который должен быть сфокусирован на объясняемом, чтобы возникло его понимание (то есть была усмотрена его связь со всеобщим и Целым). Обрушить этот материал на голову читателя я не могу, а потому мне остается извиниться за обрывочность и возможную малопонятность объяснений. Я могу утешить читателя, сообщив, что я и сам многого не понимаю.

5. О подростке как фазе развития личности

Особенность
развития
органической
системы

Я хочу здесь вернуться к одной из особенностей развития органической системы, имеющей непосредственное отношение к нашей теме. Всякая органическая система должна пройти фазу самоуглубления, сведя к минимуму взаимодействие с непосредственно окружающей ее средой. Эта фаза господства рефлексии над трансцендированием совершенно необходима для становления системы самостоятельным целым в себе, для того, чтобы внутренние связи системы энергетически превзошли и стали прочнее ее внешних связей со средой и возможных воздействий среды. В противном случае взаимодействие со средой грозит ей растворением в среде, она может стать частью среды и тем самым перестать быть самостоятельным «целым в себе», потерять свою «самость». В случае человека это означает утрату бесконечной внутренней свободы, а следовательно, и нравственной ответственности и превращение в морального социального функционера, «человека массы» Х. Ортега-и-Гассета или просто в люмпена, отчужденного не только от человеческой, но даже и от социальной общности.

Иерархическая
структура
органической
системы

В процессе самоуглубления органическая система приобретает иерархическую структуру с управляющим центром и подчиненными ему периферическими частями. Центр связан с областью актуальной бесконечности, и чем глубже и «энергичнее» эта связь, тем разнообразнее, богаче и подвижнее периферия, тем выше ее способность быть пластичной и перераспределять функции между своими частями. Когда формирование внутреннего центра продвинулось достаточно, чтобы обеспечить устойчивость системы в данных условиях, начинается противоположная фаза – фаза преобладания трансцендирования, активного взаимодействия непосредственно с окружающей средой. Система продолжает развиваться, но теперь уже главным образом за счет совершенствования своих отношений со средой (с областью потенциальной бесконечности, разворачивающейся во времени как наличное бытие конечных форм). Нужно отметить, что это формирование центра есть одновременно проявление и реализация того, что в глубине было в непроявленной форме с самого начала (благодаря связи с актуальной бесконечностью). Поэтому самоуглубление – это встреча со своей собственной сущностью, «открытие себя», но также и открытие Мира как Целого, и соприкосновение с бесконечностью.

Здесь возникают отношения, приводящие к гегелевской триадности, и интересные возможности понимания диалектического противоречия и внутреннего смысла гегелевских «скачков» как связанных с вторжением образов и форм из области актуальной бесконечности и их взаимодействием с проявленными конечными формами. Но я ограничусь сказанным как достаточным для первоначального общего понимания темы очерка.

Отличие Человека от
других органических
форм

Человек отличается от всех других известных органических форм тем, что сразу, с момента рождения несет в себе в непроявленном виде такой Центр, который уже обладает бесконечностью и эквивалентен в этом смысле Началу Мира как Целого (Богу, Мировому Разуму, Абсолюту, Брахману, Парабраману и т.д. – термин зависит от мировоззрения). Поэтому ступени самоуглубления (рефлексии, созерцания, интроспекции) индивида есть ступени бесконечной лестницы реализации его личностного «Я» – Центра его личности, определяющего всю иерархическую структуру его психики и прежде всего иерархию его ценностей. При правильном выстраивании этой иерархии (человек выше любого дела, любой цели; нравственность выше морали и закона; личность выше социума, общества, так как она экви-

валентна всему Универсуму; любовь, покаяние и прощение выше ненависти и мести и т. д.) индивид может достичь такого уровня раскрытия своего «Я», когда оно способно общаться с Миром как Целым и с другим «Я» непосредственно, вне социальных и других конечных определений, на почве «последних вопросов». Это и есть личностное общение [1, с. 324].

Схема «рефлексия-транцендирование»

В лекциях и статьях, пытаюсь сделать наглядным возникающее здесь отношение, я использовал геометрический образ и операцию – «инверсию относительно круга на плоскости». Операция инверсии состоит в установлении взаимно-однозначного соответствия между точками круга и точками плоскости вне круга (рис. 2).

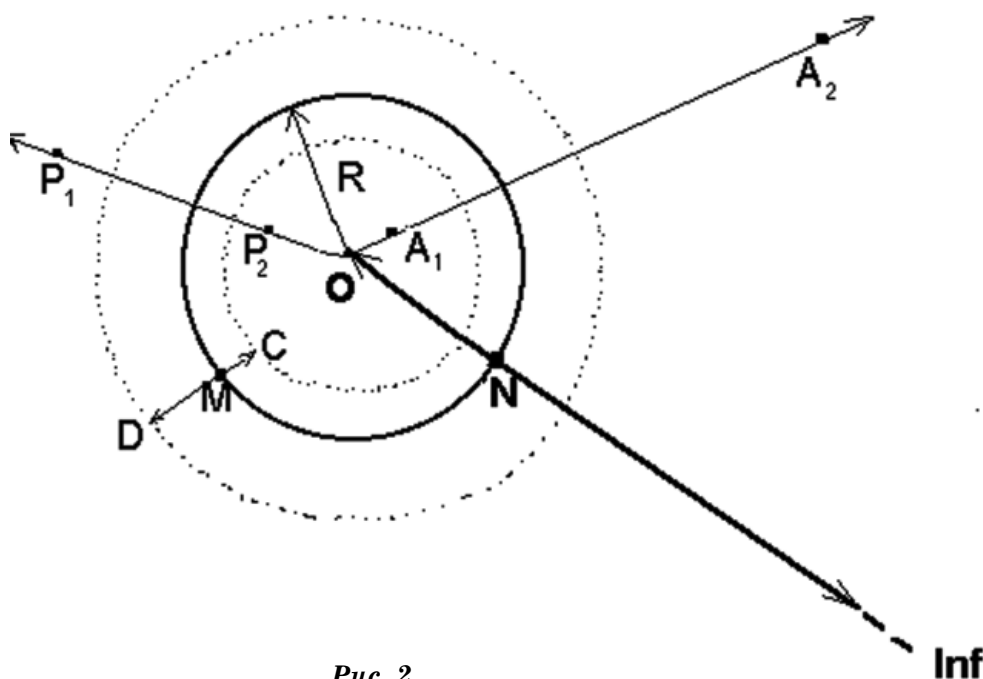

Рис. 2

На рисунке-схеме: O – центр круга, R – его радиус. Соответствующая точке A_1 точка A_2 находится путем проведения прямой OA_1 и отложения на ней отрезка OA_2 , равного R^2/OA_1 .

Пример 1 (для простоты R принимается равным 1): точка A_1 внутри круга, $OA_1=1/2$; $OA_2=R^2/OA_1=1/0,5=2$

Пример 2 ($R=1$): точка P_1 вне круга, $OP_1=3$; $OP_2=R^2/OP_1=1/3$.

Легко видеть, что парные точки совпадают на окружности и расходятся таким образом, что, если одна приближается к центру O , другая уходит в бесконечность. Предположим связь между точками пары в форме причастности, отражения друг в друге, идентичности и т. п.

Теперь представим себе, что круг – это Человек, бесконечная окружающая его плоскость – Мир.

Движение от окружности вовне – эмпирическое взаимодействие Человека с Миром, включающее внешнее восприятие, познание и деятельность (в том числе «использование»). Оно расширяется, но в каждый момент времени остается конечным. Соответствующее ему, следующее за ним отражение этого движения внутрь круга – это наши размышления об эмпирическом материале, наши гипотезы и теории.

Пространство преобладания деятельности над созерцанием

Наука и технология занимают расширяющееся, но в каждый момент остающееся конечным кольцеобразное пространство, включающее окружность (на схеме показано пунктиром). Это пространство есть также *пространство преобладания («первичности») внешней деятельности над созерцанием*, трансцендирования (ограниченного сферой указанного кольца) над рефлексией (в пределах внутренней, принадлежащей кругу конечной области того же кольца), потенциальной бесконечности (как возможности в будущем выхода за пределы данной конечной формы, движения во времени через ряд конечных, «снимающих» друг друга форм) над бесконечностью актуальной.

Вневременная область актуальной бесконечности

Движение от окружности к центру круга N–O – погружение в себя, созерцание, отрешение от конечных меняющихся форм наличного эмпирического бытия, *вхождение во вневременную область актуальной бесконечности*, где возможна встреча со своим глубинным «интеллигибельным» «Я», в его сопричастности Миру как Целому (на схеме – бесконечно удаленная точка Inf).

В современной западной цивилизации, поглощенной гонкой вещной соревновательности, эти состояния вневременности кажутся чем-то ненормальным: «Однако наша идентичность с сознанием современности столь велика, что мы забываем о «вневременном» основании психики. Все, что существовало издавна и будет существовать в дальнейшем, считается как бы алкоголем современных течений, почти что бредом, которого, по возможности, следует избегать. Но в результате надвигается огромная психическая опасность, угрожающая нам сегодня, а именно опасность оторванных от всех духовных корней интеллектуальных «измов» [12, с. 89].

Созерцательная рефлексия как соприкосновение с Тайной Мира и собственного «Я»

В этой созерцательной рефлексии глубочайшее внутреннее личностное «Я» на схеме инверсии занимает ближайшую окрестность Центра, исключая, однако, сам Центр («Бог во мне глубже, чем я сам»), находясь с ним в отношении неслиянности-нераздельности. Эта

неслиянность-нераздельность воспринимается как соприкосновение с Тайной Мира и собственного «Я», как причастность к этой Тайне, сопровождающаяся религиозным чувством благоговения и ощущения своей трансцендентной родины. Так в христианстве.

В восточных культурах, где отсутствует представление о личности как высшей ценности, господствует стремление, которое на нашей схеме выглядит как стремление объединиться с самим Центром, «утонуть» в нем, раствориться, перестать существовать как самостоятельное целое.

Итак, рефлексия – обращение на себя, «сворачивание внутрь». Например, теория познания есть процесс познания, предметом которого является он сам; психология – попытка человеческого «Я» постичь себя самого и т. д.

Тейяр де Шарден отличает человека от животного, в частности, тем, что «человек не только знает, но еще знает о том, что он знает».

Трансцендирование – выход вне себя, преодоление собственных границ, «разворачивание вовне». Например, любой процесс творчества может быть представлен как трансцендирование.

Рассудок и разум

Необходимо уточнить, в каком смысле употребляются термины «рассудок» и «разум». В истории философии эти термины наполнялись различным и глубоким смыслом. Воспользуемся здесь смыслом, который они получили в послекантовской философии и не во всей его глубине (он бесконечен), но лишь в пределах их общего значения, достаточного для понимания рассматриваемого вопроса.

Рассудок – способность человека познавать мир в его конечных формах, различать, разделять, классифицировать и обобщать эмпирический материал, создавать соответствующие понятия и строить теории.

Разум – способность критически рассматривать деятельность рассудка, начиная с критики самого себя, то есть это рефлексия по преимуществу, диалог (бесконечный!) с самим собой, бесконечное углубление в себя (к Центру на схеме), ведущее к бесконечному трансцендированию (к сопряженной с Центром бесконечно удаленной точке).

В представлении разума рефлексия и трансцендирование составляют бесконечные взаимоопределяющие друг друга противоположные полюса диалектического противоречия, в области актуальной бесконечности – совпадающие друг с другом, обеспечивая целостность

Единого, а в области потенциальной бесконечности – разворачивающиеся как фазы развития во времени с преимущественными проявлениями одного либо другого из этих противоположно направленных процессов.

Рассудочная рефлексия связана с отношением «Субъект–Объект»

Рассудочная рефлексия – критическое рассмотрение соответствия построений рассудка конечным объектам наличной действительности, а в самой рассудочной (она же формальная, демонстративная, вещная) логике – рассмотрение правильности выводов из посылок. Отношение рефлексии внутри самой этой логики не может быть рассмотрено, так как ведет к неразрешимым парадоксам и недопустимым в ней противоречиям. Рассудочная рефлексия, таким образом, не выходит за рамки конечно определенной области упомянутого кольца и гносеологического отношения «Субъект – Объект».

Разумная рефлексия связана с отношением Человек–Мир

Разумная рефлексия начинается с рассмотрения отношения «Человек–Мир» во всеобщей форме как двух эквивалентных друг другу бесконечных целых. Она диалектична и противоречие в ней предполагается как начало размышления, источник его энергии. Отношение «Субъект–Объект» выступает в ней как вырожденная форма, где Человек редуцирован в Субъект, а Мир – в Объект.

«Научная» психология, находясь в рамках логики субъект-объектного отношения и предлагая рассматривать отношение «Субъект–Субъект», ничего не достигает, так как Субъект и Объект взаимно определены друг через друга и устранение из отношения Объекта лишает смысла Субъект. Поэтому в так называемом субъект-субъектном отношении один из субъектов фактически должен выступать в роли объекта.

Рефлексирующий разум, чтобы отнестись к себе как к целому, должен трансцендировать за пределы себя самого, то есть за рамки рациональности как таковой, рассмотреть свое взаимоотношение с нерациональными сторонами отношения «Человек–Мир» (религиозной, нравственной, эстетической, эмоциональной, интуитивной и т. д.). Поэтому разумная рефлексия – это всегда прогулка по границе рациональности, соприкосновение с тем, что является непостижимым для ума, в конечном счете – с Тайной Человека и Мира в ее актуальной бесконечности.

Это «философское отступление» с введением наглядной аналогии (инверсии) мне казалось необходимым сделать для пояснения употребляемых мной в тексте терминов. Не следует придавать этой аналогии значение модели или теории. Это всего лишь намек на сложные глубокие отношения, попытка подключить к пониманию образное восприятие.

Необходимость подростковой фазы самоформирования

Возвращаемся к размышлениям о подростке.

В процессе онтогенеза личности индивид проходит различные ступени или фазы, среди которых подростковая отличается особенно острой необходимостью во внутренней работе самоформирования, в обособлении от социальной среды и любой формы коллективности как таковой. И эта фаза обособления должна быть пройдена им с наивозможной полнотой, иначе ему грозит личностная ущербность. Так же точно, как в случае, если ребенок по тем или иным причинам «не доиграл» в соответствующем периоде детства, у него уже во взрослом состоянии могут возникнуть определенные трудности в различных жизненных ситуациях, что хорошо известно в психотерапии. И поэтому следует не мешать подростку в «отрыве от коллектива», не пытаться его «социализировать», классифицируя этот отрыв как «индивидуалистическую направленность личности», требующую исправления в «направленность коллективистическую». Опасность такого «исправления» состоит в том, что если «негативизм» подростка окажется сильнее усилий педагогов, то, сопротивляясь, он может действительно развить в себе такую форму индивидуализма, как эгоцентризм, что крайне затруднит саморазвитие его личности, либо же усилия воспитателей окажутся сильнее и он превратится в «человека массы», социального функционера, играющего в социуме определенные роли. Сочетание обеих этих возможностей может привести к развитию раболепного и одновременно торжествующего хама.

Обособление – процесс становления Человека в индивиде

Надо понимать, что в случае обособления мы имеем дело не с отчуждением индивида от своей человеческой сущности. Отчуждение происходит в социальной среде и в развитии западной цивилизации завершается господством вещиности (рыночной экономики и денег как всеобщего эквивалента вещных отношений) – полюса, противоположного личности, превращающего индивидов в духовных калек. Это угрожающее Человеку направление развития цивилизации было ясно большинству глубоких мыслителей – от Ж.-Ж. Руссо до О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Фромма и других, включая практически всю русскую философию.

Обособление же – противоположный процесс, процесс становления Человека в индивиде, что и есть личностное развитие.

Парадоксальная роль рассудочного мышления

Рассудочное мышление, овладевая сознанием подростка, играет сложную парадоксальную роль. С одной стороны, укрепляет претензии подростка на

взрослость (та же логика, по которой построен социальный мир взрослых), с другой стороны, будучи максималистским (поскольку это первое и пока единственное новообразование, аналогичное таковому же в сознании взрослого, и воспринимаемое им как объективное, независимое от его «Я», подросток наделяет его статусом всеобщности, своего рода «сверхценностью»), отталкивает его от социальности как насквозь фальшивой и лицемерной.

Отталкивание, отвержение социальности может принимать самые различные формы: коллективные и индивидуальные, активно-протестные (например, хулиганство и более серьезные правонарушения) и пассивно-защитные (лень, эмоциональная глухота, неучастие в жизни семьи, своеобразный аутизм, принимаемый зачастую за эгоизм, и т. п.). Я думаю, что эту тенденцию к обособлению, аналогичную детскому аутизму, окружающие должны понять и помочь преодолеть это тягостное для самого подростка состояние. Но ни в коем случае не применять пропагандируемые, например, телевидением американские рецепты: зарабатывание «очков» за то или другое действие с последующей выплатой деньгами и т. п. Это еще хуже, чем привлечение к «общественно полезной деятельности», так как ориентирует на прагматизм и вещьность, затрудняя или делая невозможным переход к подфазе юности.

Подростковая
метафизическая
интоксикация –
первая проба
самоопределения
себя в Мире

Непрочность, безопорность в мире наличного социального бытия создает в душе подростка квазихаос, неопределенность и пустоту, куда проникает воздействие со стороны его глубинного «интелигибельного» «Я», упомянутого выше, обладающего всеобщностью бесконечного Центра. Это воздействие разлагает его эмпирическое «Я» на «Я» действительное и «Я» желаемое. Кроме того, воздействие это несет в себе некий заряд всеобщности и бесконечности, оно заражено этим качеством глубинного «Я» и заражает им отрицающее конечное наличное бытие сознание подростка. Эта «зараза» проявляется в склонности к философствованию, которая была отмечена многими психологами, социологами, психиатрами. А. Е. Личко называет ее «транзиторная подростковая метафизическая интоксикация» [13, с. 119].

«... еще в 1834 г. русский психиатр П. А. Бутковский сходные явления у юношей назвал «суемудрием» [13, с. 119]. <...> «Известный английский психиатр Н. Maudsley (1870) писал, что юноша проходит через «приступ метафизики», как дитя переболевает корью

[13, с. 119]. <...> Метафизическая интоксикация – интеллектуальная активность, направленная на самостоятельное решение путем обдумывания «вечных проблем» (то есть в конечном счете упомянутых выше «последних вопросов». – А. А.) – о смысле жизни, о предназначении человечества, об искоренении войн и т. п., поиск философских истин, создание своих мировоззренческих систем, своих теоретических концепций перестройки общества, развития наук, своих эстетических и этических взглядов. Все это занимает важное место в жизни подростка, получает выраженную эмоциональную окраску, плохо поддается критической оценке, то есть приобретает характер сверхценных идей» [13, с. 119]. А. Е. Личко считает, что метафизическая интоксикация, хотя и накладывает свой отпечаток на некоторые психические заболевания, сама по себе большой опасности не представляет именно в силу своей транзиторности: «В послепубертатном периоде явления метафизической интоксикации постепенно блекнут и исчезают» [13, с. 119].

«Какого-либо отчетливого психогенного фактора, толкнувшего к метафизической интоксикации, обычно уловить не удастся» [13, с. 119]. Это признание А. Е. Личко совершенно понятно, поскольку, как я полагаю, этот фактор порождается связью человека с областью актуальной бесконечности, не доступной мышлению современной научной психологии и психиатрии [14].

«Этот синдром характерен для среднего и старшего подросткового возраста и, как правило, встречается у юношей» [13, с. 119]. А. Е. Личко считает «метафизическую интоксикацию» легкой и обычно преходящей, но все же патологией. Мне же кажется, что здесь, конечно, возможны своего рода акцентуации, но более опасным синдромом представляется отсутствие всякой склонности к метафизическим проблемам и размышлениям, поскольку они представляют собой «первые пробы» самоопределения себя в Мире.

Переход из подфазы подросткового возраста в подфазу юности

Первая, если можно так выразиться, подфаза подросткового возраста начинается с развития рассудочного критического мышления, приводящего подростка к конфликтным отношениям с социальной средой и к потребности в обособлении от этой среды как условию сохранения и укрепления своего личностного «Я-центра», обеспечивающего целостность, способную противостоять разрушающим влияниям социальности, особенно в современных условиях технологической цивилизации, ведущей к господству вечности – антипода лично-

сти. Заканчивается эта подфаза метафизической интоксикацией, знаменующей начало перехода в подфазу юности. Эта последняя представляется мне настолько важной и настолько качественно отличной от первой, что, может быть, следовало бы назвать ее самостоятельной фазой, следующей за подростковой. Хотя, с другой стороны, она является развитием и завершением фазы рефлексии, начавшейся в подростковом возрасте.

**6. О юности как особой подфазе,
завершающей обособление подростка,
и необходимой ступени личностного развития**

Созерцание
необходимо для
личностного «Я»

Задачей воспитания подростка является не привязка его к общественно полезной деятельности и вообще не к деятельности и не к социальной коллективности, но помощь ему в уходе в мир созерцания, необходимого ему для укрепления целостности личностного «Я» путем восстановления на новом уровне изначальной непосредственной (не требующей ни доказательств, ни участия рациональности, данной не извне, а изнутри, спонтанно и априорно) связи этого «Я» с Целостностью Мира. Готовность подростка к этому шагу, его внутренняя предрасположенность находят свое проявление в «метафизической интоксикации». Подросток «духовной жаждой томим».

Отличие
метафизической
интоксикации
от патологических
увлечений

Сравнивая синдром метафизической интоксикации с увлечениями (хобби) подростка, которые также могут приобретать патологические черты («сверхценность», «одержимость» и т. п.), А. Е. Личко пишет: «Отличие синдрома патологических увлечений от синдрома метафизической интоксикации состоит в том, что при увлечениях деятельность, а не мечтания, фантазии и размышления выступает на первый план» [13, с. 121]. Поскольку патологию можно рассматривать как сверхакцентуацию одной из сторон или характеристик «нормы» (в кавычках потому, что остается неопределенным, можно ли «нормировать» психику и что значит в этом случае «норма»), даже если эта сторона или характеристика оставалась бы в «норме» скрытой, можно считать, что мы имеем дело с двумя противоположно направленными тенденциями, в крайних случаях проявляющимися как одержимость деятельностью и одержимость мыслью.

Сфера разума
и внутренний диалог

В подростковом возрасте одержимость мыслью более предпочтительна. Во-первых, как уже было сказано, это – «проба» самоопределения в мире, а во-вторых, поддерживая и развивая эту тенденцию, можно переве-

сти мышление подростка из формальной области рассудка в диалектическую, открытую в бесконечность сферу разума, где становится возможным внутренний «незавершимый» диалог: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)» [1, с. 373].

От рассудка к спору

На базе рассудочной, формальной логики, принимающей либо фиксированное, неменяющееся «да», либо фиксированное «нет», диалог невозможен, возможен только спор, в том числе и внутренний спор с самим собой, истощающий и бесплодный. Во внутреннем споре подростка с самим собой чаще всего сталкиваются сфера рассудочной логики с эмоциональной сферой, обе воспринимаемые им как принудительные силы. При этом поступки, находящие логическое оправдание (в том числе в прививаемой ему социумом морали), он склонен оценивать как должные, как «добро», а нарушающие формальные рамки и нормы – как недолжные, как «зло». И если эмоции в его поступках одерживают верх, он казнит себя (и других, поступающих, по его мнению, неправильно). Но в то же время с помощью той же логики он может непримиримо отстаивать «правоту» своих суждений, жестокость и бездушность своего и чужого поведения.

Бесплодность, своего рода тупиковость «суемудрия» подростка не в последнюю очередь связана с господством формальной рассудочности в его рефлексии, ибо метафизические проблемы (в том числе «последние вопросы»), которые начинают его тревожить, в рамках рассудка не могут быть даже рационально представлены. Диалектическая сфера разума, где бесконечность выступает как эквивалентность противоположно направленных, располюсованных тенденций, размывает жесткие рамки рассудочных форм, «снимает» их, превосходит, превращая во вторичную, ограниченно применимую «технологии мысли».

Условия перехода
в сферу разума

Диалог и рефлексия есть преимущественная сфера разума. И подросток внутренне готов к переходу в эту сферу уже хотя бы потому, что «на переходе» в юность подошел вплотную к «последним вопросам».

Что же может помочь подростку в реализации того, к чему он внутренне готов? Внутренняя тенденция к переходу формальных жестких границ рассудочности, жажда вырваться из этих границ уже есть, но будет ли она реализована путем углубления и движения к Центру, личностного развития, или выбросом вовне, в

область вещных отношений, в частности в область современной массовой культуры, в значительной степени зависит от прохождения подфазы юность.

В первом случае «последние вопросы» осознаются как коренные вопросы человеческой жизни и его собственной личной судьбы. Во втором случае они остаются за пределами его сознания и лишь иногда могут причинять некоторое неосознанное неудобство. Подфаза юности полноценно не проходит. Личность не реализуется.

Вступление в подфазу юности

Вступление в подфазу юности обусловлено многими факторами. Важнейший из них – созерцание в противоположность активной деятельности (в том числе и умственной – вспомним «метафизическую интоксикацию») подростка. Остановка деятельности, покой, романтическая мечтательность, пушкинская «праздность» как предпосылка «вдохновения». Непосредственное погружение в беспредельность бытия собственного «Я» и Мира (движение к Центру и одновременно к бесконечно удаленной точке на нашей схеме инверсии), в сферу актуальной бесконечности. Именно в эти моменты человек превосходит самого себя («Человеку для того, чтобы быть самим собой, надо быть бесконечно больше себя»), здесь формируется личность и максимализм всеобщих нравственных принципов (в отличие от укорененных в социальности групповых моральных норм).

Противоположность максимализма подросткового и юношеского

Следует подчеркнуть противоположность максимализма юношеского от вышеупомянутого подросткового. Максимализм подростка – это максимализм отрицания, непринятие всего, что не согласуется с его представлениями о логичности, правильности и справедливости, понятых в жестких рамках рассудочного рацио. Максимализм юности – максимализм положительного, безусловного, не опосредованного рассудком принятия мира как целого, максимальная распаханность души в бесконечность, особая тяга к трансцендентному в себе и в Море, что, в частности, выражается в юношеском романтизме.

О важности созерцания

О важности созерцания как собственно человеческого состояния, определяющего в онтогенезе духовный рост, формирующего личность и отношение к Миру, к людям, к жизни, о глубокой внутренней трансформации и соответствующих психических переживаниях полноты и целостности себя и мира, выходящих за пределы всякого рацио и даже вербальности, писали пророки, богословы, поэты и писатели, философы, мудре-

цы и мистики, а также крупнейшие ученые. Приведу лишь некоторые из этих высказываний.

А. де Сент-Экзюпери: «Но беспредельность нельзя найти. Она создается в нас самих». «Внутренняя жизнь молящегося доминиканца насыщена до предела. Человеком в полной мере он становится именно тогда, когда, простершись ниц, неподвижно застывает в молитве» [11, с. 279].

«Тот, кто возвысился до созерцания, становится зерном. Тот, кому открывается некая истина, тащит другого за рукав, чтобы посвятить в эту истину и его... Мы слишком долго обманывались относительно роли интеллекта. Мы пренебрегали сущностью человека... Отныне я отказываюсь судить людей по доводам, оправдывающим их решения» [11, с. 321]. «Никакое словесное объяснение никогда не заменит созерцания. Единство Сущности нельзя передать словами» [11, с. 331]. «Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога» [11, с. 328].

Г. Торо о часах созерцания: «В такие часы я рос, как растет по ночам кукуруза, и они были полезнее любой физической работы. Эти часы нельзя вычесть из моей жизни, напротив, они были мне дарованы сверх отпущенного срока. Я понял, что разумеют на Востоке под созерцанием, ради которого оставляют работу» [15, с. 452].

С. Л. Рубинштейн: «Человек выступает как часть бытия сущего, осознающего в принципе все бытие. Это капитальный факт в структуре сущего, в его общей характеристике: осознающий – значит, как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое. В этом своеобразии человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека» [9, с. 338]. С. Л. Рубинштейн в цитированной работе «Человек и Мир», критикуя «деятельностный подход», много раз возвращается к проблеме созерцания. Например: «Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе... Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» [9, с. 339–340].

Можно было бы здесь цитировать и крупнейших ученых. Я процитирую только одного из них – Д. И. Блохинцева: «Ощущение своего родства с бесконечной Вселенной, вера в ее благонамеренность по отношению к человеку, преклонение перед ее гармонией и красотой

Эстетическое
созерцание

всегда были и будут ничем не заменимым душевным богатством людей. Только такое взаимоотношение с окружающим миром способно дать человеку ощущение своей значимости, выходящей за пределы бессмысленной и скучной поденщины» [16, с. 19].

Преклонение перед гармонией и красотой рождается в эстетическом созерцании не предмета искусства в данном случае, а всей бесконечной Вселенной. Вера же в благонамеренность Вселенной – созерцание религиозное, выражение религиозного отношения Человека к Миру.

Тот же оттенок имеет и следующее размышление Д. И. Блохинцева: «Многие глубокие умы еще в далекой древности, да и в наше время, подсказали нам путь к счастливому (оптимистическому) восприятию мира.

Для этого следует поддержать в себе:

1. Постоянное ощущение себя частью всего (разрядка моя. – А. А.) мира. Надо помнить, что поверхность нашего тела – кожа – это еще не граница своего «Я».

2. Постоянное ощущение Красоты мира.

Благоговейное отношение к его Тайне.

Все это, конечно, не ново. Быть может, даже звучит несколько старомодно, поскольку никакие слова не способны передать всю глубину и значимость этих положений (так как мы находимся за пределами рациональности и даже вербальности – в области созерцания. – А. А.).

Но ни то, ни другое обстоятельство не делает этот Символ Веры менее значительным в наше время» [17].

Творчество как
свобода от
обыденщины

Примеры размышления на тему созерцания можно было бы бесконечно умножать, но я хочу закончить словами Н. А. Бердяева: «Творчество было для меня погружением в особый, иной мир, мир свободный от тяжести, от власти ненавистной обыденщины» [18, с. 223]. «В созерцании высшего–прекрасного–гармонического созерцающий переживает момент творческого экстаза» [18, с. 223]. «Но самые моменты созерцания не знают борьбы, конфликта и затруднения, эти состояния преодолеваются... И человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания. Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи» [18, с. 223].

Мирочувствие
на пороге юности

Я привожу целый ряд цитат (и буду еще приводить впредь), чтобы дать, по возможности, почувствовать читателю «параметры» того мира, в который входит подросток на пороге юности, преодолевая рамки рассу-

дочного, формального, вещного мышления. Именно почувствовать, поскольку в рамки рациональной рассудочности, понятийности и даже вербальности он не вмещается. Это скорее мир символов, художественных образов, интуитивных озарений, эмоций любви, восторга, благоговения, охватывающих все существо человека и воспринимаемых как бесконечно превосходящие по своей ценности все конечные определенности наличного бытия. Это мир экстаза («выхождения») и катарсиса («очищения»), могущих принимать бесконечно разнообразные формы и даже соприкасаться, быть причастными плероме (плерома – бесконечная божественная полнота, совмещающая в неслиянности-нераздельности все противоположности, не угашая бесконечной уникальности каждой из них).

Например, в романтической литературе, в поэзии, мы часто встречаемся с подобными состояниями, выраженными художественными средствами. Таково вхождение в плеромическое состояние экстаза и катарсиса в стихотворении А. С. Пушкина «Желание»:

*Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в увядшем сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.*

*Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.*

*О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье –
Пускай умру, но пусть умру любя!*

[А. С. Пушкин]

Вот он – выход в область актуальной бесконечности, где происходит совпадение противоположностей: «горькое наслаждение», «дорого мучение»; трансцендентный экстаз и катарсис – состояние, по сравнению с которым все наличное конечное бытие, вся обыденность и даже сама жизнь теряют свою ценность: «лети, не жаль тебя».

Бесконечна и гамма личностной и ситуативной окраски подобных переживаний: от тончайшей лирики до громоподобной эпичности, от полной пассивности и растворения в мире («океаническое чувство») до ощу-

щения бесконечной творческой мощи и даже соединения этих полюсов:

*Я связь миров повсюду сущих;
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.*

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я – царь, я – раб,
Я – червь, я – Бог.*

[Г. Р. Державин]

Связь созерцания
с творчеством

Обратим теперь внимание на то, что Н. А. Бердяев связывает моменты созерцания с творчеством. И снова можно приводить бесконечные примеры и высказывания на этот счет творцов, в какой бы области они ни творили. И простирающийся ниц неподвижно доминиканец творит в полном и, может быть, самом чистом смысле слова «творчество»: творит не внешний продукт, а самого себя как человека, как личность. А прослывший необыкновенным, фантастическим лентяем и бездельником Уолт Уитмен, лежа на берегу океана, рождает «Листья травы» – книгу уникальную, необыкновенную по безусловному всеохватному принятию всего, что есть в мире.

Переживание
в созерцании
таинственности
Мира
и причастности
к нему

Второй момент, который хотелось бы здесь отметить, это переживание в созерцании таинственности Мира. Это переживание охватывает все существо человека, когда в созерцании он достигает такой глубины рефлексии (в движении к Центру на нашей схеме), что соответствующее трансцендирование выбрасывает его за пределы рациональности как таковой в область «непостижную уму». Оно сопровождается глубоким чувством внутренней причастности к Миру, родства с ним, восприятием бесконечности как своей трансцендентной благодатной и обетованной родины. Переживший такое состояние человек начинает воспринимать Мир и себя самого как Тайну и видеть отблеск этой Тайны на всей природе, на всем, что его окружает:

*Случайно на ноже карманном
найди пылинку дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
окутанным в цветной туман.*

[А. Блок]

Рождение
религиозного
отношения к миру –
начало
антропогенеза

Религиозное отношение к миру (неконфессиональное, в котором слиты эстетическое, нравственное, благоговейно-любтивное и разумное) напоминает то первоначальное религиозное отношение, которое, по моим представлениям, является началом антропогенеза. Тайна, о которой идет речь, – не секрет, который можно раскрыть, не загадка, которую можно разгадать. Она не закрыта и лежит перед человеком в своей прозрачной явленности и одновременно притягательной непостижимости.

Вот, например, слова А. Меня: «Природа, как бы мы ее глубоко ни познавали, всегда будет оставаться для нас тайной... и в переживании природы, музыки, прекрасного, в переживании любви, в переживании творчества нас касается божественная рука, но только касается. Мы можем чувствовать эту тайну подобно путнику, который идет по пустыне и чувствует близость леса или моря, когда через раскаленные слои воздуха до него доходит прохладный ветерок. Но это только приближение. Пока тайна сама не заговорит с нами (А. Мень имеет в виду Евангелие. – А. А.), она все равно останется тайной (и даже когда заговорит, останется Тайной. – А. А.). И она открывает нам величие человека и человечность Бога» [19, с. 87].

Ученые-творцы
о Тайне мира

В романтизме Тайна была, может быть, основным стержнем и мотивом образов, символов и размышлений. Я приведу некоторые мысли об этом ученых – творцов современной науки – именно потому, что бытует мнение о принципиальной враждебности науки всему таинственному. Я уже приводил достаточно выразительное в этом отношении кредо Д. И. Блохинцева. Вот он же: «Современный научный работник настолько поглощен своей профессиональной деятельностью, связанной с исследованием того или иного круга вопросов, что зачастую уже не удивляется самой возможности познания мира, его непостижимой красоте и гармонии. Но без этой способности удивляться вся картина Вселенной приобретает характер самоочевидной и скучной тривиальности. Тайна мира становится в таком случае не более чем «тайной» еще не прочитанного учебника. Для классиков науки, однако, было характерно иное мировосприятие» [20, с. 53]. Для Д. И. Блохинцева (так же, как для П. Дирака и многих других творцов науки) было достойно величайшего удивления, что, «руководствуясь принципом красоты... человеческий разум оказывается способным предсказывать возможные закономерности внешнего мира во Вселенной... Не значит ли это,

Самое глубокое переживание человека – ощущение таинственности

что наш разум посвящен в тайны мира, но не помнит, когда и где произошло это посвящение?» – спрашивал он [20, с. 54]. Мне кажется, что оно произошло на той самой трансцендентной, лежащей в области актуальной бесконечности родине, связь с которой воспринимается при глубоком погружении в созерцание.

А. Эйнштейн полагал: «Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытывал этого ощущения, кажется мне, если не мертвецом, то, во всяком случае, слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего» [21, с. 176]. При этом следует отметить, что космическое религиозное чувство А. Эйнштейна было «не ведающим ни догм, ни Бога, сотворенного по образу и подобию человека» [21, с. 127]. «Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [21, с. 129]. «Человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения. Как же он может постичь Бога, для которого тысяча лет и тысяча измерений предстают как одно?» [21, с. 144]. Не принимая антропоморфного Бога, А. Эйнштейн имел в виду христианство.

Христианство принимает теоморфность Человека

На самом деле здесь он в плену новоевропейского рационализма и науки. В действительности христианство принимает не антропоморфность Бога, но теоморфность Человека. С этим связаны проблемы, уходящие в глубину философии и теологии («богочеловечества» и «человекобожества», совести и нравственности, свободы и ответственности и т.д.), на которых невозможно останавливаться в данном тексте.

Макс Планк об умственных процессах, которые желающая быть научной психология пытается представить в качестве «психологических механизмов»: «Эти процессы – божественные тайны, которые или совсем не поддаются объяснению, или могут быть освещены лишь в известной степени; пытаться проникнуть в их сущность было бы неразумным и самонадеянным» [22, с. 183–184].

Благоговейное отношение к Тайне мира

О благоговейном (религиозном) отношении к Тайне Мира (и Человека – это та же Тайна) писали практически все, кто достаточно глубоко задумывался над этой проблемой. А. Горбовский, книги которого посвящены в основном явлениям, выходящим за пределы науки, и могут быть очень полезными для расширения сознания, особенно в подростковом и юношеском возрасте, свою книгу «Иные миры» заканчивает так: «...я невольно думаю о самом навязчивом стремлении человека непременно получить ответы на все вопросы, чтобы освободиться от малейшей неопределенности. <...> Думаю, что как ребенок, взрослея, перестает бояться темноты, так и человек, более зрелый духовно, научится существовать рядом с тайной, не оскорбляя ее своим любопытством. Я говорю о человеке, свободном от навязчивого стремления все понять, во всем разобраться, всему дать анализ. Только мартышка каждый предмет, оказавшийся в поле ее зрения, пытается раскусить, обнюхать или попробовать его на зуб» [23, с. 234].

А вот не ученый и не священник, а жена писателя, Валерия Дмитриевна Пришвина: «С раннего детства мне было присуще ощущение значимости, неслучайности всего происходящего. Вот говорят: страшна старость, болезни. А я одного боюсь: потерять ощущение жизни как тайны. Это самое дорогое, что у меня есть» [24, с. 33].

Жить в присутствии Тайны, радостно принимать свое родство с ней учит религия. К тому же своим путем должна приводить и философия, которая, к сожалению, до сих пор плохо выполняла эту задачу.

Я привожу эти размышления не для того, чтобы аргументировать отказ от исследования Человека (в том числе и научного). Но любое исследование должно достаточно хорошо осознавать свои границы и степень общности выводов. Это возможно, если не теряется связь с всеобщим Началом, с позиций которого видны границы любого частного исследования и становится возможным не просто знание, но и понимание места этого знания в составе всеобщего Начала как Целого. Поэтому философия должна быть основанием любого рационального познания Человека (и Мира).

Человек должен периодически приходить к моментам созерцания

Я хочу обратить внимание в высказываниях Н. А. Бердяева на то, что «человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания. Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи» [18, с. 223].

Без этого периодически происходящего прихода к моментам созерцания, соприкосновения с актуальной бесконечностью, погружения в нее индивид не реализуется как человек. И такие «прорывы» разной силы и длительности с ним обязательно случаются в эстетическом созерцании, религиозном благоговении, в любви, в моментах творческого вдохновения, ощущения своего родства со всей жизнью и т. п. У разных индивидов они могут происходить в бесконечно разнообразных индивидуальных формах, достигать различной глубины (вплоть до мистических прозрений и описанного Р. Бёкком космического сознания), возникать более или менее часто или редко.

Человек, проходящий через состояние космического сознания

Хочу привести одну из характеристик состояния космического сознания по Р. Бёкку, имеющую отношение к парадоксальному восприятию Мира как бесконечного и в то же время целостного: «Человек, который проходит через состояние космического сознания, узнает в течение нескольких минут или даже моментов, пока длится это состояние, гораздо больше, чем в месяцы или даже годы ревностного изучения; узнает бесконечно много нового, чему не научит и не может научить его никакое изучение. Особенно ясно он получает понятие о целом, о таком необъятном целом, которое превосходит все представления, понятия и воображение обычного самосознания и в сравнении с которым все прежние попытки человека умственно охватить вселенную и ее значение кажутся ему ничтожными и смешными» [25, с. 86]. Одним из людей, переживших состояние космического сознания, Р. Бёкк считал Г. Державина.

Подростковость – юность есть начало и завершение одной из фаз рефлексии в онтогенезе

Это – важнейшие моменты реализации личности. В детстве они происходят самопроизвольно, во взрослом состоянии они могут забиваться заботами и тяготами наличного бытия, особенно погружением в современный мир вещной социальности.

И хотя эти моменты сопровождают (по крайней мере, должны сопровождать) человека в течение всей его жизни, кроме того, есть определенный ритм смены фаз рефлексии (преобладания созерцания над внешней предметной деятельностью) и трансцендирования (преобладания внешней деятельности над созерцанием). Подростковость – юность как раз и есть начало и завершение одной из таких фаз рефлексии в онтогенезе.

Созерцание в подростково-юношеском возрасте

О романтизме юности, любви, мечтах, идеалах, состояниях восторженного удивления красотой и таинственностью Мира, состояниях такой полноты и гармонии, что они кажутся полностью завершенными и вызывают готовность умереть, в мировой литературе написано

столько и с такой степенью глубины и выразительности, что здесь достаточно лишь упоминания об этом. В данном тексте я могу лишь сухо коснуться некоторых (далеко не всех) отличий юности от подростковости, позволяющих (и вынуждающих) рассматривать юность как подфазу, или ступень, противоположную ступени подростка.

Для подростка нет Тайны, он уверен, что наука обладает возможностью в принципе познать всё, поскольку всё должно уложиться в логику, которой он овладел (которая им овладела!), а это и есть логика науки. Поэтому он похож на того самого научного работника, для которого «Тайна мира становится... не более чем «тайной» еще не прочитанного учебника». Хотя одновременно всякая загадочность и таинственность притягательны для него, но скорее как фактор, который нужно устранить с помощью всемогущего рационального познания. Этому и должны служить его метафизические упражнения. Отношение к Миру как миру объектов, подлежащих познанию и использованию, *опосредует* и в значительной степени глушит пробивающееся изнутри, а иногда и вырывающееся из-под власти рассудка более глубокое эстетическое и религиозное восприятие Мира.

Назначение юности – вывести за пределы конечной предметности к непосредственному восприятию Мира

Для юности таинственность, уводящая в бесконечность «несказанность» Мира выступают как необыкновенная, восхищающая его (в том числе и в христианском смысле этого слова) ценность, захватывающая его воображение и преобразующая весь эмоциональный строй его души, размывающая все, что опосредует его восприятие Мира (в том числе и сферу анализирующего рассудка). В этом и состоит «работа» и назначение юности: вывести за пределы субъект-объектного отношения, всякой конечной предметности и соответствующей деятельности к непосредственному восприятию Мира как «Ты» («благонамеренного», родственного, любящего мое «Я»).

Переживание единства с Миром в предельной полноте открывает возможность любви как свободного дара

Это углубление рефлексии на нашей схеме инверсии может быть наглядно представлено таким вневременным и внепространственным движением к Центру и одновременно к Бесконечно Удаленной Точке, которое выводит сознание далеко за пределы межпунктирной области, в положение венаходимости к наличному ситуативному бытию. При этом наступает конец однозначности, возникает понимание бесконечной глубины «Я» и Мира, «сверхценные» идеи и построения рассудка (включая соответствующую философию) теряют статус сверхценности.

Эмоциональная сфера также преобразуется. Переживание единства с Миром в предельной полноте, граничащей с желанием смерти (нежеланием возвращения

в область наличного частичного и конечного бытия), открывает возможность любви как свободного дара от своей бесконечной полноты. И тогда возможно безусловное принятие Мира во всей его целостности. Состояние это, мне кажется, хорошо выражено в таких поэтических строках [26]:

*Приемли мир и ничего не требуй.
Нам дали больше, чем мы взять могли.
Я ничего не вижу кроме неба
Да облаков, дымящихся вдали...*

[В. Сидоров]

И становится возможным переход за пределы конечных норм морали к бесконечным принципам нравственности, за пределы справедливости (или кармы Востока) к покаянию и прощению:

*Благословенны будьте травы
И воды в зелени оправ!
Виновных нет, все люди правы.
Но больше всех простивший прав.*

[И. Северянин]

И юноша уже может пожалеть, простить и принять социальный мир взрослых со всеми его ограничениями и рассматривать его как нуждающийся в его работе, его духовной помощи. И чем глубже в себя (и соответственно, дальше вовне) он уйдет от мира социума и вообще мира наличного бытия, тем с большим личностным творческим потенциалом, с большей энергией он может вернуться, тем большим катализатором он явится для развития личности в кругу своего общения, тем больше шансов для него, став взрослым и окунувшись в нечеловеческий мир рыночных отношений современной цивилизации, сохранить совесть и способность к личностному общению.

Переживание любви
как свободного дара

Затронув тему свободы и любви, я, к сожалению, в данном тексте не могу ее ни развернуть, ни обсудить ввиду ее глубины и обширности, а также необозримости посвященной ей литературы. Отмечу только, что переживание любви как свободного дара позволяет преобразовать и подростковую «гиперсексуальность» (как ее иногда называют) в эротическую любовь, в своей личностной форме связанную с любовью каритативной и агапической. Хотелось бы здесь еще сказать, что любовь в ее «первозданной» форме выступает как внутренняя сущность человека, его ипостась, такая же, как свобода

или разумность. Поэтому, например, М. М. Бахтин отмечал «абсолютную нужду» человека в любви [1, с. 47], а С. Л. Рубинштейн считал, что «любовь выступает как утверждение бытия человека» [9, с. 369], «как первейшая острейшая потребность человека» [9, с. 370]. И наконец, пример поэтического выражения ипостасного характера любви [26]:

*...И если без предубежденья
На тайну древнюю взглянуть,
Любовь твое предназначенье,
Твоя единственная суть.
Твоей основой и моею
Ей быть от века суждено.
И это все, что я имею,
И это все, что мне дано.
Ее владельцем и слугою
Себя я чувствую опять.
И лишь ее, ничто другое
Я власть имею даровать.*

[Валентин Сидоров]

Если индивиду удастся (что в наших условиях весьма затруднительно) перейти в фазу взрослости, сохранив принесенные с горних высот духовный потенциал и творческую энергию юности, для него открывается и возможность стать творцом (это и будет полноценное трансцендирование), что и удалось, например, процитированным выше творцам философии, поэзии, науки. Так формируется духовная элита общества (в противоположность социальной).

Опасности перехода
от подростковой
к юности

Но переход от подростковой к юности – своего рода прорыв, в условиях современной цивилизации чреватый опасностями и срывами, а в наше время все более затрудняющийся. Именно об этом – у Александра Блока [27, с. 100]:

*Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду.
.....
Что через край перелилась
Восторга творческого чаша
И всё уж не мое, а наше.
И с миром укрепились связь.*

[Александр Блок]

Типы
коллективности:
социальный
и личностный

И среди опасностей этого перехода одна из главных – преждевременная «социализация» подростка.

Два слова об основных типах (полюсах) коллективности.

Коллектив социального типа, в котором господствует социальная связь между индивидами (см. вышеприведенную схему социальных и личностных связей), характеризуется чертами:

1) ценность члена коллектива в его похожести на других его членов; бóльшая похожесть – сплоченнее и сильнее коллектив;

2) незаменимых людей нет: каждый может быть заменен другим, приносящим коллективу такую же (а еще лучше – бóльшую) пользу; эта польза (вклад) во многих случаях может быть измерена, а потому возможно и «распределение по труду»;

3) интересы коллектива выше интересов индивида («коллективистическая направленность» нашей психологии личности); это моральная основа отношений в коллективе.

Феномен
личностного
коллектива

Противоположность социальному – личностный коллектив:

1) ценность каждого члена коллектива в его непохожести на других, уникальности;

2) вследствие этой уникальности каждый незаменим; вместе они создают благоприятное «поле» всестороннего личностного развития; не может быть измерен «вклад» индивида, так как он состоит в основном в бытии, присутствии индивида в коллективе;

3) не может существовать интересов коллектива вне интересов индивида; каждый индивид эквивалентен всему коллективу, и не только данному коллективу, но человечеству в целом – основной принцип нравственности.

Личностный коллектив, мне кажется, близко подходит к тому, что А. Хомяков назвал «соборностью». Тогда к коллективу социальному подошел бы термин «сборность» или упомянутый К. Марксом «мнимая коллективность». Личностный коллектив, в отличие от социальных страт и групп, не имеет жестких границ, так как потенциально объединяет всех индивидов через отношение к бесконечному Центру.

Я не говорю здесь о многообразных следствиях такого различения коллективов для психологии и педагогики, но все же нужно отметить, что реальные коллективы всегда представляют собой «смесь» коллективности того и другого типа. В частности, это относится к раз-

личным подростковым группировкам. Многие из них, противопоставляя себя миру взрослых, группируются по общим интересам или целям, но сами эти интересы в большинстве случаев позитивно или негативно связаны с областью социальности и потому выхода в беспредельность актуальной бесконечности не определяют.

В юности происходит распад подростковых группировок

В юности подростковые группировки («стаи», как их еще называют) должны «расплываться», терять жесткие границы, распадаться, так как оказываются несовместимыми с принятием мира как целого, связанным с личностным развитием составляющих их членов. Но они могут распадаться и по противоположной причине: в результате «социализации» их членов, превращения их в социальных функционеров.

Фаза подросткового возраста распадается на две подфазы: собственно подростковость и юность

В юности снимается прагматизм подростка, и в хаотичность его внутренней жизни вносится упорядочивающее начало иерархии ценностей с вершиной, направленной в бесконечность. Нравственные принципы, побуждения и мотивы занимают место выше моральных норм, юридических законов и правил. Появляется способность понимать и прощать. Благоговейное чувство приобщения к бесконечной Тайне Человека и Мира, Тайне единства актуальной и потенциальной бесконечностей преобразует весь внутренний мир, смиряя и облагораживая мысли, чувства, цели и намерения. Оно создает антиспециализированность, открытость миру, способность преодолеть ограниченность наличного бытия, его тяжесть, механическую инерцию вещного мира. Создается возможность для личностного развития в антиличностных условиях, которая, к сожалению, все труднее реализуется. Полноценное прохождение подфазы юности – панацея от срыва с «гребня» обособления в эгоцентризм и конформизм.

Итак, я полагаю:

1) подростковый возраст связан с преобладанием рассудочной рефлексии;

2) он может быть рассмотрен как фаза онтогенеза личности, требующая обособления для внутренней работы становления личности как «целого в себе»;

3) фаза подросткового возраста распадается на две подфазы: собственно подростковость и юность;

4) полноценное прохождение обеих фаз позволяет перейти к взрослости, не растворившись в социуме, а сохранив и укрепив личностное начало и творческий потенциал;

Потребность подростка в «метафизике» и переход к юности

В подфазе подростка педагогические усилия должны быть направлены на то, чтобы, используя его потребность в «метафизике», помочь ему внутренне выйти за

пределы не только социальности, но и наличного бытия в область «последних вопросов». Показать ему невозможность постановки этих вопросов в рамках рассудочности. Выход за эти рамки и есть переход к юности. В подфазе юности использовать философию, религию, музыку, поэзию, романтическую литературу и т. д. – все, в чем человечество накопило потенциал трансцендентности и Тайны, чтобы дать индивиду не только помыслить, но и глубоко почувствовать бесконечность Человека и Мира и в то же время конечность Человека в его наличном земном бытии. Это научит его принимать и любить себя и наличное бытие во всем их несовершенстве, прощать и «миловать».

После этого можно надеяться (хотя в наше время и не слишком), что, включившись в мир «взрослости», наш индивид сможет сохранить дары юности и продолжать развиваться как личность. Слишком много социальных факторов мешает сегодня такому благополучному исходу. Среди них не последнее место занимает, я считаю, резонанс между онто- и филогенезом личности.

7. Фаза подростка и резонанс онто- и филогенеза личности в современной западной цивилизации

Новое основание
для периодизации
онтогенеза

Я уделил подфазе юности такое значительное место в очерке, во-первых, потому, что считаю ее одной из определяющих в личностном развитии, а во-вторых, потому, что именно важнейшее духовно-душевное содержание этой фазы, ее «предназначенность» для приобщения индивида к непосредственному восприятию бесконечности отношения «Человек–Мир» остается за пределами современной «научной» психологии и столь же наукообразной педагогики.

Теперь хочу обратить внимание на то, что *принцип смены фаз рефлексии и трансцендирования, по-видимому, может быть основанием определения периодизации протекания различных органических процессов*, в частности онтогенеза личности как в целом, так и различных его сторон. При этом следующие «одноименные» фазы могут быть похожими на бывшие ранее, и не только похожими, но воспроизводящими на новом уровне наиболее глубокое и важное для последующего развития содержание, извлекая его из глубин, где оно пребывало в скрытом виде как «свое другое».

Я не занимался исследованием периодизации онтогенеза, поэтому могу говорить об этом лишь в гипотетической форме. Например, мне представляются в некото-

Специфика
различных периодов
онтогенеза

ром смысле идентичными периоды раннего детства, юности и пожилого возраста.

Каждый период онтогенеза имеет свою специфику (на которой я не могу подробно останавливаться в рамках очерка), но для всех них характерно (при неискаженном «резонансом», о котором речь пойдет ниже, личностном развитии) непосредственное восприятие бесконечности отношения «Человек–Мир» как важнейшего, заключающего в себе все остальное.

Для ребенка это недифференцированное, неосознанное, радостное принятие Мира, связанное, прежде всего, с его отношением к матери (поэтому очень важно, что прежде всего мать, а затем и другие окружающие его взрослые могут быть для него Миром).

Для юноши – оно же, но являющееся основанием для размышления над «последними вопросами».

Для пожилого возраста – снова оно же, но как основание для переоценки смысла прожитой жизни, выхода за пределы профессиональных интересов. Это возраст выхода за пределы всех накопленных конечных знаний в область понимания и мудрости.

Переоценка смысла
жизни

Позиций известных ученых, писателей, поэтов, музыкантов, а также просто людей, которые привыкли вести дневники, можно привести множество. Одна из них – упомянутая работа С. Л. Рубинштейна «Человек и Мир» [28]. По-видимому, ту же, указанную выше, основу имело изменение жизненной позиции, приведшее Л. Н. Толстого к уходу в конце жизни из дома. Громадный материал дают автобиографии, воспоминания, жизнеописания и тому подобные документы и свидетельства. Приведу одно, принадлежащее Максиму Борну:

«В 1921 году я был убежден, и это убеждение разделялось большинством моих современников-физиков, что наука дает объективное знание о мире, который подчиняется детерминистическим законам. Мне тогда казалось, что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира, – философии, поэзии, религии.

В 1951 году я уже ни во что это не верил...

Теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман, происходящий от того, что молодости свойственно восхищение ясностью физического мышления, а не туманностью метафизических спекуляций» [29, с. 7–8].

Очень показательна в этом отношении также переписка-полемика 17-летнего Д. И. Блохинцева с 68-лет-

ним К.Э. Циолковским и полная переоценка Д.И. Блохинцевым своей позиции в этой переписке несколько десятилетий спустя. Д.И. Блохинцеву 17 лет, но в подфазу юности он, будучи по-советски воспитанным, еще не вступил. Это случилось позже, и семена, посеянные К.Э. Циолковским, по собственному признанию Д.И. Блохинцева, сыграли здесь большую роль.

Религиозное
прозрение

Характерно, что с возрастом указанные фазы онтогенеза приобретают религиозную окраску, не всегда явно выраженную и не обязательно в плане той или другой определенной конфессии, хотя чаще это связано с конфессиональной направленностью религиозного воспитания в детстве. Например, принятие монашества Ф. Листом или К. Леонтьевым.

А. Тойнби писал о религиозном прозрении А. Бергсона: «Это прозрение современного западного философа, в преклонном возрасте (выделено мною. – А. А.) достигшего вершин знания, суммирует результаты пятивековых интеллектуальных исканий. Однако истина, с таким трудом давшаяся западным философам, открылась антропологам как истина «из уст младенцев и грудных детей» (Пс. 8, 3), ибо как бы ни был узок горизонт «дикаря» (горизонт его эмпирических знаний. – А. А.), душа его живет и движется в сверхчеловеческом измерении, которое современный гуманист упорно исключает из своего рассмотрения» [30, с. 409].

Интересно также, что фазы онтогенеза, противоположные названным, часто окрашены погоней за успехом, соревновательностью, прагматизмом, религиозным безразличием, иногда сопряженным с формальным исполнением конфессиональной обрядности, иногда же атеизмом и богоборчеством. Многие русские религиозные философы прошли в своей жизни подобные периоды.

Резонанс между
сознанием
подростка и вещной
логикой взрослых

Теперь, если мы обратимся к филогенезу личности, то, по-видимому, он также должен проходить подобные фазы. В упомянутой выше статье в «Континенте» [5] я попытался с этой точки зрения показать антропогенез.

Я не берусь здесь рассматривать различные ее фазы, но хочу обратить внимание, что в ее современном состоянии господствуют вещные отношения и соответствующая рассудочная рефлексия, пронизывая собой науку, экономику, политику и «здравый смысл» обывателей. Я уже говорил ранее, что это та же форма рефлексии, которая, являясь новообразованием подфазы подростка, господствует в его сознании. Этот здравый смысл и логика той жизни, которую подросток видит вокруг

себя, в которую он погружен. Возникает резонанс между его сознанием и этой логикой, который еще многократно усиливается стараниями взрослых его «социализировать».

Помехи к
личностному росту
подростков

Этот резонанс удерживает и затягивает его, мешая его нормальному личностному росту, для которого необходимо обособление и переход в подфазу юности. Подсознательно в нем живет потребность вырваться из этого резонанса, который несет смертельную опасность его личности, грозит превратить его в «человека массы», включив во внешнюю деятельность. Он нуждается, образно говоря, в оуклиивании, чтобы стать бабочкой, а его пытаются путем социализации превратить в вечную гусеницу. Его воспитывают, учат, убеждают, уговаривают, подключая все средства массовой информации, что гусеницей быть хорошо, особенно жрущей больше других. Поэтому Х. Ортега-и-Гассет имел все основания сетовать: «Я хотел бы видеть в нашей молодежи стремление к внутренней дисциплине. Но я вижу обратное: поспешное стремление реформировать все внешнее – Мир, общество, государство и т. д., не произведя предварительно реформы внутреннего мира» [31, с. 9].

Массовая культура
взамен духовной

Подростку предлагается «ирландское рагу» массовой культуры. И если в прежние века «духовная культура сквозь людей созерцала Бога», то теперь человек сквозь массовую культуру созерцает «чернуху», «порнуху» и «мокруху» (по выражению современных подростков), а в качестве Бога – большие деньги, вокруг которых все крутится и ради которых все совершается. Но даже если подросток поддается соблазну и принимает этот чудовищный античеловеческий мир, его подсознание, его глубинное «Я» влечет его к протестным формам поведения, включая употребление наркотиков, различные формы насилия и немотивированные поступки.

Наркотическое
опьянение

Наркотическое опьянение, «балдеж» под рок-музыку (психический наркотик) – тоже формы обособления от социума, выход из резонанса за пределы конечных вещных форм. Но это экстаз без катарсиса, выход не в сторону любви, творчества и созидания, а в пропасть безумия и разрушения, что, мне кажется, также можно рассматривать как одно из проявлений кризиса и тупика западной цивилизации с рыночной экономикой в основе.

Деньги и всякого
рода веселье

Деньги и всякого рода веселье, удовольствие и шутки (весьма низкого пошлого пошиба – достаточно посмотреть телепередачи, чтобы убедиться в этом) – главные «ценности» массовой культуры.

Секс как
удовольствие и
награда

Почетное место занимает секс как удовольствие, который также попадает в план использования – использования заложенного природой родового инстинкта размножения с соответствующей наградой в виде природно-телесного удовольствия.

Господствующая
включенность
в вещные отношения

Вещное отношение использования предполагает разработку соответствующей технологии, создается множество руководств, курсов и учебников по технологии секса, широко рекламируемых всеми средствами массовой информации, внедряемых в школьные программы и т. д. Беда в том, что это технологическое вещное отношение из подчиненного собственно человеческим, личностным отношениям становится господствующим. Если учесть, что «при акселерации развития физическая, включая сексуальную, зрелость достигается значительно раньше, чем зрелость юридическая и социальная» [13, с. 123], то становится понятно, что и здесь возникает резонанс, ведущий к вытеснению и замещению любви эротической, агапической и каритативной «любовью технологической», которой можно «заниматься». Следовало бы, конечно, в приведенной цитате заменить зрелость юридическую и социальную на зрелость душевную и духовную, поскольку юридическая и социальная, не будучи подчинена духовной, привязывает к тому же конечному наличному бытию, вырваться за пределы которого – главная задача личностного развития в подростково-юношеском возрасте.

Резонанс
разрушителен
на протяжении всего
онтогенеза

Можно было бы практически бесконечно умножать примеры резонанса онто- и филогенеза личности в современной западной цивилизации. Я хочу отметить его искажающее разрушительное влияние на протяжении всего онтогенеза. Для детского возраста это соответствующие игрушки, например кукла Барби со всеми аксессуарами, начиная от «бойфрендов» до деталей одежды и обстановки, что лишает ребенка свободного полета игровой фантазии, привязывая одновременно к вещиности мира взрослых. Хорошо известно (и используется в вальдорфской педагогике), что похожесть используемого предмета на игровой образ, создаваемый ребенком, ограничивает его творческую фантазию. Поэтому тряпка, свернутая им самим в форме куклы, дает для его душевно-духовного развития бесконечно больше готовой куклы.

То же относится к содержанию и форме детских компьютерных мультфильмов. Не говоря уже о содержании, как правило с элементами агрессии и насилия, само их компьютерное изготовление превращает их персонажей

в роботоподобных монстров, производящих жуткое впечатление своей античеловеческой механичностью. Вообще проникновение компьютеров в светлый человеческий мир ребенка чревато громадными потерями для его личностного роста (психологи отмечают, что раннее общение ребенка с компьютером тормозит развитие его общения с людьми, что неудивительно, так как раннее детство – возраст религиозного отношения к Миру, когда ребенок через общение с Богом учится общению с людьми, а ему вместо Бога предлагается компьютер).

Старость перестает быть возрастом мудрости

Что касается пожилого возраста, старости, то он перестает быть возрастом мудрости. Р. Штейнер однажды на вопрос, почему в наше время молодежь не уважает стариков, ответил примерно так (привожу смысл ответа по памяти): «А за что нас уважать? Мы не умеем стариться. Старая, мы не становимся мудрее, мы просто дряхлеем умственно и физически».

Воздействуя отрицательно на всем протяжении онтогенеза личности, резонанс имеет ярко выраженный пик именно в подростковом возрасте, так как резонирует его собственное новообразование – рассудочная рефлексия – с господствующей в социуме формой сознания и вещной формой отношений. (Например, даже связанная рассудочной рефлексией идея формальной справедливости, составляя содержание сознания подростка, лежит в основании так называемой западной демократии.) Этим, мне кажется, можно объяснить, отмечаемое исследователями (в том числе в книге М. Кле) отсутствие в других этносах и культурах самой «проблемы подростка», а также и то обстоятельство, что и в западной цивилизации проблема подростка как особой стадии онтогенеза возникла не ранее двух последних столетий, то есть приблизительно с того времени, когда вся система вещных отношений с соответствующей идеологией стала абсолютно господствующей в социальной жизни и сознании европейца и таким образом созрела почва для резонанса.

Отношение к преподаванию философии в младшей школе

Как философ я не могу не сказать еще об одном проявлении резонанса. Я имею в виду попытки ввести преподавание философии начиная с младших классов школы. Я отношусь к этим попыткам отрицательно по двум причинам. Первая состоит в том, что это не тот возраст, когда именно философское рациональное размышление о бесконечном отношении Человека к Миру в целом становится внутренней потребностью и необходимой ступенью онтогенеза личности. Такому размышлению должно предшествовать религиозное отношение (философия –

рациональная сторона этого более целостного отношения, захватывающего всего человека и потому способствующего становлению целостности внутреннего «Я»). В детском возрасте естественным является религиозное воспитание как база возможного в будущем развития философского взгляда на мир. Возраст, в котором наступает это будущее, – момент появления «метафизической интоксикации», внутренней потребности в философском размышлении (ранее говорилось, почему для нее невозможно отыскать внешних причин).

Религия закладывает в детстве тот фундамент, который, доживая до порога юности, иногда скрыто, глубоко в подсознании как «свое другое», через возникновение в сознании «последних вопросов», актуализируется и позволяет подростку преодолеть резонанс, чтобы войти в юность. Здесь может и должна помочь настоящая глубокая философия, связанная с размышлениями над «последними вопросами».

Резонансный подход к образованию подростка закрывает переход к юности

Вторая причина моего отрицательного отношения к преподаванию философии детям состоит в том, что, познакомившись с несколькими соответствующими программами, я увидел, что они пытаются привить ребенку в основном все те же навыки рассудочной логики, то есть «работают» на усиление резонанса. Это не только может помешать в будущем освоить глубокую философию, но и, усилив резонанс в подфазе подростка, закрыть дорогу перехода в юность, то есть в конечном счете не развивать личность, а штамповать «человека массы». Странники такого преподавания говорят, что дети уже могут осваивать философию. На это можно ответить, что они могут также осваивать наркотики и алкоголь, а двенадцатилетние девочки становиться проститутками или чемпионками по гимнастике, что вовсе не значит, что это положительно скажется на их дальнейшей личной судьбе. Иногда спонтанно появляющиеся у ребенка поразительные по глубине и мудрости высказывания и суждения – вовсе не результат рационально выстроенного размышления, а прорыв из безмерной глубины его «Я», посвященного в Тайну Мира, свидетельство его человеческой, данной априори, универсальности, еще не заглушенной социальной обыденностью (ср. блоковское: «заглушенные жизнью струны напряженной, как арфа, души», которые звучат, «когда не тревожит роковая нас жизни гроза», то есть опять-таки в момент «недеяния»).

Религиозное воспитание

Относительно религиозного отношения к Миру и религиозного воспитания должен сказать, что я имею в

виду, прежде всего, внеконфессиональное первичное отношение «Я–Ты», о котором очень, к сожалению, коротко было сказано в начале этого текста. Религия как особая деятельность, тем более связанная с определенной организованной конфессией, появляется лишь тогда, когда индивид начинает терять непосредственную, спонтанную связь с Миром как с «Ты» (которую, мне кажется, еще имеют маленькие дети, как и «дикари», живущие в «сверхчеловеческом измерении»). «Религия знаменует собой не только связь, но и удаленность человека от Бога. Она и сама в этом смысле есть до известной степени выражение греховного отпадения мира от Бога, ущербленного богосознания» – так на церковном языке выражает это С. Булгаков [32, с. 28].

Христианство – колыбель личности, но историческое христианство в форме христианской церкви того или иного направления претерпело секуляризацию, отделившую церковность от духовности и веры. А. Тойнби возлагает вину на церковь за бесчеловечие современной цивилизации: «Чудовищное рождение современной западной секулярной цивилизации из утробы средневекового западного христианского мира стало возможным благодаря ошибкам и грехам средневековой западной церкви, практически воплотившись через ренессанс эллинского института «абсолютного» государства, в котором религия стала одним из ведомств политики» [30, с. 531].

Парадоксы превращения отношения к Русской православной церкви

Еще в большей степени это относится к Русской православной церкви, Петром I превращенной в придаток государства и в советские времена при формальном отделении от государства фактически ставшей придатком ведомства госбезопасности. Наша нынешняя мода, когда вдруг все наши государственные мужи в единый миг стали верующими, когда по телевидению идет передача проповедей и торжественных служб вперемежку с рок-беснованием (последнего несравнимо больше, оно вытесняет с экрана практически всю культуру), едва ли может претендовать на «возрождение православной церкви». Церковь в глубоком кризисе. Может ли вообще историческая христианская церковь возродиться – вопрос сложный, на который, видимо, не может быть однозначного ответа.

Возможно ли христианство, свободное от «грехов» исторической церкви?

Возможно христианство, не связывающее себя «грехами» исторической церкви, внутренне свободное от догм, показывает пример многих мыслителей, в частности и представителей русской религиозной философии. Проблема в том, каким образом этот опыт

«религиозного свободомыслия» (в любых его формах: русской философии, швейцеровского «благоговения перед жизнью», эйнштейновского и блохинцевского преклонения перед Тайной, Красотой и Разумностью Мира) может быть реализован в воспитании. Что оно наказуемо, показывает трагическая судьба Александра Меня. Возможно, здесь может помочь опыт вальдорфской педагогики, предусматривающей религиозное воспитание, не связанное с той или другой исторической конфессией. По-видимому, в разном возрасте оно должно иметь различную форму (с учетом фазы развития), а также оставлять свободу для различий индивидуального восприятия и понимания. «Невозможно единообразное понимание единого и истинного Бога, ибо человеческая природа отмечена плодотворным многообразием, представляющим собою отличительную черту божественных трудов. Каждая человеческая душа воспринимает Его через свою призму...» [30, с. 526]. Таким образом, религиозное воспитание в современном мире – проблема, на которую я здесь могу только указать, поскольку погружение в нее требует специального исследования.

Разрушительная
экспансия
современной
западной
цивилизации

Возвращаясь к проблеме взаимоотношения фило- и онтогенеза личности, которое дает пик резонанса современной западной цивилизации именно с подфазой подростка, можно сказать, что эта цивилизация сама «сорвалась» с «гребня обособления» в сторону эгоцентризма, а не личности и пребывает в глубоком кризисе. Мне кажется вполне вероятным, что М. Кле именно потому не видит ни кризиса подросткового возраста, ни качественного перехода между подростковостью и юностью, что к сегодняшнему дню «вещная обработка» детства западной цивилизацией стала столь успешной, что практически для массы подростков весь период детства стал сплошным процессом социализации, смазывающим прохождение противоположных фаз. Между тем этот внутренний «маятник» – «гвоздь» всего процесса формирования универсальности личности, ее способности выходить в сферу актуальной бесконечности.

Проблема
воспитания
российского
подростка

Выше я писал о двух причинах, заставивших меня рассматривать именно западную цивилизацию. Но есть и еще одна причина, связанная, может быть, с самой острой и сложной для нас в настоящее время проблемой – проблемой России и, соответственно, воспитания нашего российского подростка в условиях нынешнего дня – ничем не сдерживаемой, разрушительной экспансии западной цивилизации. Я думаю, что эта проблема

требует углубленного исследования и обсуждения в различных аспектах. Здесь я могу только высказать необходимое, на мой взгляд, предупреждение: не копировать Запад, в том числе и в педагогике. Экспансия западных форм жизни и массовой культуры грозит уничтожить еще сохраняющийся в России (может быть, сегодня единственной в этом отношении стране) личностный потенциал. Правительство вкупе с различного рода мафиозными структурами и так называемыми «новыми русскими» по мере сил помогают этому уничтожению. Задача воспитания – также по мере сил противостоять этому разрушительному процессу.

Россия и русский подросток

Россия изначально в своей основе (а значит, и предназначенности) – не Восток и не Запад. А основа (здесь, безусловно, прав Н. Я. Данилевский) не может быть изменена. Например, рыночная экономика не может стать основой жизни России, так же как и демократия западного типа. Конечно, ее судьба может сложиться и таким образом, что она перестанет быть самой собою и не выполнит свое назначение. Но это будет ущерб не только для нее, но и для всего мира.

Об особенностях «русской души» сказано и написано очень много. Я не могу останавливаться на этом в настоящем очерке (очень коротко я коснулся этого вопроса в упомянутой статье в «Континенте»). Хотелось бы обратить внимание воспитателей лишь на следующие моменты: максимализм (способность к «беспределу» в положительном и отрицательном смысле) и связанные с ним диффузность сознания и поведения, недисциплинированность сознания и поведения, склонность к анархии, а также потребность в харизматическом лидерстве, суггестивность, широкая способность «заражаться» чужими идеями при недооценке своих собственных – все это обратная сторона универсальности, способности (и потребности!) выхода за пределы наличного бытия и высокого творческого потенциала.

Русскому нужна воля

Русского не удовлетворяют гражданские свободы и «права человека», ему нужна «воля». Подсознательно он «дикий», нецивилизованный и тем самым чем-то похож на дикаря в приведенной цитате из работы А. Тойнби. И потому он еще способен испытывать и глубокую, часто неосознанную потребность в религиозном отношении к миру, и настоящий метафизический голод (особенно при пробуждении рефлексии в подростковом возрасте). Вместе с тем как «дикарь» он легко «ловится» на разные соблазны и подмены (религиозное воспитание могло бы в какой-то степени предохранять его от этих заблуждений).

Восприятие русским подростком жизни Запада как свободы

Русский подросток воспринимает жизнь Запада как свободу, хотя на самом деле это более глубокая и тонкая форма рабства, чем господствовавший у нас идеологический пресс и запреты. Последние лежат на поверхности и порождают такой же поверхностный протест. Западная цивилизация «поверхностно» свободна, ограничивая поведение индивида лишь демократическим законодательством, гарантирующим к тому же гражданские права и свободы. Но привязывая человека к миру вещей и вещных отношений, делает его рабом в гораздо более глубоком и общем смысле, разрушая не только сознание, но и более глубокие образования его психики, причем это рабство гораздо труднее заметить. Герой сэлинджеровского романа «Над пропастью во ржи» протестует против него на подсознательном уровне. Это – не сознательный протест, это скорее бунт. Ему подвержены многие современные подростки. Он может быть «бессмысленным и беспощадным».

Ценности поверхностные и глубинные

Уберечь от экспансии западного образа жизни нашего подростка можно, только противопоставив поверхностным ценностям современного Запада ценности, более глубоко и целостно захватывающие душу подростка. Предпосылки к этому есть в самом подростке. (Я вижу эти предпосылки именно в тех качествах, которые принято считать отрицательными: например, в диффузности, расплывчатости сознания, означающей его открытость к радикально новому, бесконечному, в способности к положительному «беспределу», то есть в сохранении того «маятника», которого уже не видит в западном подростке М. Кле, и т. д. Эти качества играют определенную отрицательную роль при «социализации», но необходимы для личностного развития. Они же «обоюдоостры» и представляют «твердый орешек» для воспитателей.)

Ценности в системе воспитания и образования

Есть ли предпосылки к формированию глубинных ценностей в системе воспитания и образования? В юности происходит возрождение и реализация того непосредственного восприятия Мира, которое было заложено в раннем детстве. Что могут заложить в душу ребенка наши воспитатели детских садов и учителя младших классов? Кстати, одно из проявлений господства вещных отношений: считается, что для учителя-предметника нужна вузовская подготовка, а для воспитателя детского сада и учителя младших классов достаточно педучилища. Между тем учителю-предметнику достаточно знать свой предмет, соответствующие методики и иметь элементарные навыки общения с детьми, а воспитатель

Мир юности связан с реализацией духовно-душевного потенциала

детсада и учитель младших классов в своем лице представляет ребенку весь Мир, включая и природу, и культуру, да еще в период, когда закладываются основы целостного восприятия Мира. Мне кажется, что в этот период к воспитанию должны допускаться лишь наиболее широко образованные, культурные, творчески одаренные люди, обладающие знаниями детской психологии, могущие войти в мир игры и фантазии.

Переход в фазу юности связан с основой, заложенной в раннем детстве, вернее, со степенью и формой (положенной этой фазе) реализации духовно-душевного потенциала, заложенного в человеке как таковом. Адекватная форма этой реализации – воспитание религиозного отношения к миру. И требуется найти форму, соответствующую этому возрасту (может быть, это окажется образ Христа как живой Личности). «Свободомыслящее христианство», о котором упоминалось выше, по-видимому, удел более поздней поры – перехода к юности (когда развившаяся рефлексия делает возможной и философию). Как справедливо отмечали многие исследователи, в том числе Л. С. Выготский: «Специфические воздействия среды, которые имеют решающее значение для направления развития в ту или иную сторону, оказывают свое действие только тогда, когда они приложены в определенный момент развития, а до и после оказываются одинаково неосновательными» [33, с. 23].

8. Современная научная литература о подростке «глазами философа»

В завершение этого философского очерка мне осталось взглянуть «глазами философа» на эмпирический и теоретический материал современной научной психологии и показать, как изменяется при этом интерпретация и само видение этого материала. Кроме того, мне хотелось хоть в какой-то степени расширить сознание психолога или педагога, который будет читать этот очерк, «окунуть» его в более широкий контекст проблемы подростка. Поэтому в очерке так много разнообразных ссылок, цитат и размышлений «вокруг и по поводу». При этом читатель, по всей вероятности, успел заметить, что среди этих ссылок, цитат, стихов, которыми я хотел дать почувствовать тот бесконечный, простирающийся за пределы рациональности мир, в который вступает юность, нет имен психологов и педагогов, кроме С. Л. Рубинштейна.

Литература по затронутым вопросам практически необозрима. К счастью, есть обзорные труды, которые позволяют выбрать некоторые примеры.

Человек как
биосоциальное
существо

Хороший обзор различных типов периодизации онтогенеза представлен в книге Р. Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание» [34].

Характерно, что и сам автор, и описываемые им направления в психологии, как правило, исходят из представления о человеке как биосоциальном существе, напоминающем кентавра, у которого, скажем, сзади «био», а спереди «социо». Это «био» и «социо» представлено у разных авторов по-разному, а главное, им придается разный вес и значение в онтогенезе. Это представление о человеке как о сборном, составном существе сразу показывает неадекватность мышления (вещно-механистического) предмету (целостно-органическому), в котором началом может служить только целое, не могущее быть понято через свои части или стороны. Человеческое должно предшествовать в данном случае и биологическому, и социальному, а также и всему прочему в человеке, делая возможным понимание всех частей и сторон как проявлений этой целостности.

Например, касаясь подросткового возраста, автор книги пишет: «Поведение подростка часто парадоксально. Откровенный негативизм может сочетаться с явной конформностью, стремление к независимости – с просьбами о помощи. Сегодня он исполнен энтузиазма и энергии, а завтра мы видим, что у него опустились руки и он пассивно «плывет по течению». Эти резкие, контрастные перемены – характерные черты переходного периода от детства до того момента, когда общество признает человека взрослым. Это общественное признание взрослости определяется рядом критериев – обязанностью в полной мере отвечать за свои действия перед законом, возможностью полноправно участвовать в делах общества, вступать в брак и т. д. Во всех этих случаях возрастная регламентация варьирует в разных странах и может меняться с течением времени» [34, с. 170].

Социализация
против актуальной
бесконечности

Р. Бернс полагает, что глубокие внутренние душевно-духовные переживания, преобразующие личность подростка, кончатся в тот момент, когда социум преподнесет ему подарок: юридические права и обязанности и весь establishment, столь ненавидимый героем сэлинджеровского романа «Над пропастью во ржи». Мне это кажется просто смешным. Социализация против внутреннего «маятника», долженствующего своим размахом выводить в область актуальной бесконечности, переживание которой – необходимое условие личностного развития. Самое страшное здесь – большая, по вышеуказанным

причинам, успешность этой социализации, когда, например, М. Кле уже не видит здесь самой проблемы. (Кстати, если говорить о разных странах и временах, то согласно автору, придется считать, что в Древнем Риме подростковый кризис заканчивался в 40 лет, и только для мужчин, поскольку только сорокалетний мужчина получал все права римского гражданина.)

«Коулмен (1980), – писал автор, – выделяет два типа объяснений проблем переходного периода: психоаналитические и социально-психологические. Первые сосредоточены на психосоциальном развитии индивида и на эмоциональных взаимоотношениях в семье. Для объяснений второго типа характерно внимание к социальной жизнедеятельности индивида...» [34, с. 170]. Надо заметить, что психоаналитическое объяснение в конечном счете приводит к биологическому основанию.

Психоаналитический подход к юности глазами философа

В качестве примера психоаналитического подхода к юности Р. Бернс рассматривал позицию П. Блоса: «Блос (1962, 1967) рассматривает юность как процесс «второй индивидуализации» по аналогии с «первой индивидуализацией», которая, по его мнению, заканчивается к четырехлетнему возрасту. Как в первом, так и во втором случае перед ребенком стоят задачи адаптации, продиктованные необходимостью достижения большей зрелости. Если личность не успевает приспособливаться к новым ситуациям, возникает опасность нарушения психического равновесия» [34, с. 171].

Посмотрим на это высказывание «глазами философа». «Первая индивидуализация» – рождение у ребенка отношения к себе как некоторому внутреннему самостоятельному центру, употребление местоимения «я» – общеизвестный эмпирический факт. Он имеет глубокую и интересную аналогию в антропогенезе (филогенезе личности). Схожесть между ним и юностью в разных отношениях также отмечалась многими авторами, как психологами, так и педагогами. Об отношениях между ними будет сказано несколькими строками ниже. Что касается задач адаптации к ситуациям, то на самом деле в этих периодах личностного развития стоит задача дезадаптации, непривязанности к конечно-определенным ситуациям, соприкосновение с Миром как целым, с бесконечностью, как об этом говорилось выше. Об опасности «нарушения психического равновесия» следует сказать прямо противоположное: об опасности именно самого психического равновесия, так как оба указанных периода связаны с глубокими радикальными переменами в понимании своего «Я» и Мира, с мак-

Бегство
в инфантильность

симальным отклонением описанного выше «маятника» от положения равновесия. Ни о каком «психическом равновесии» не может быть и речи.

Похожесть переживаний юности на некоторые переживания раннего детства трактуется как пример «регрессии» – бегства в инфантильность от проблем юности, вносящих во «внутреннюю жизнь известный разлад». «Юноше, полагает Блос, нужно соприкоснуться с привязанностями своего младенчества и раннего детства, чтобы *избавиться* (выделено мною. – А. А.) от порождаемой ими напряженности его эмоциональной сферы; только после этого прошлое может изгладиться...» [34, с. 172]. Если же посмотреть на это «глазами философа», то это выглядит не как «регрессия», не шаг назад, а наоборот, как колоссальный скачок вперед в развитии личности, связанный всегда (такова логика развития органических систем) с погружением в основание, более глубокое, чем то, развитие на базе которого привело к кризису. Вторичный феномен «избавления» в данном случае маскирует собой сущность – погружение в более глубокое основание – непосредственное («Я–Ты») отношение с Миром как Целым, его преобразование уже на рефлексивно-сознательном уровне (развивается «метафизический голод» и «последние вопросы» становятся своими личными). «Изгладиться» должны создавшиеся в прошлом привязки и узлы в сфере конечного наличного бытия – семейные, социальные и т. п., но достигнутая в детстве ступень реализации личностного «Я», связанная с *непосредственностью* восприятия бесконечности, жизнью в ней, рационально не осознанной и тем более естественной, должна сохраниться. В юности она не изглаживается, а наоборот, продолжает углубляться и разветвляться, находя свое уже осознанное выражение в религиозном, эстетическом, эротическом, философском, нравственном и других отношениях к Миру Человеку, природе, жизни.

Р. Бернс писал [34, с. 172]: «Блос приводит целый ряд примеров юношеской регрессии»; «...примером может служить особое, характерное для юношеского возраста эмоциональное состояние, которое можно описать как «растворение» или полное слияние с кем-либо или чем-либо. В этом состоянии юноша способен всем своим существом проникаться такими абстрактными идеями, как красота или природа (каким образом они попали в «абстрактные идеи»? Возможно, неточность перевода. – А. А.), быть полностью захваченным политическими, религиозными или философскими идеалами.

Амбивалентность
и колебания юности

Еще один пример возврата к инфантильным проявлениям – амбивалентность поведения юноши, его колебания от одной крайности к другой. <...> Эти колебания «могут стать причиной бунта юноши, не принимающего этой неустойчивой, противоречивой реальности» [34, с. 172].

Сначала об амбивалентности и колебаниях. На поверхностном уровне они могут выглядеть как инфантильность и страх перед неустойчивостью реальности. На более глубоком уровне их смысл совершенно другой. Колебания с захватом крайних полюсов – выражение глубокого внутреннего противоречия между открывшейся актуальной бесконечностью и наличными социальными формами бытия, это бунт не против неустойчивости этой реальности, этого «истеблишмента», обыденщины и поденщины, по выражению Д. И. Блохинцева, а наоборот, против ее *сверхустойчивости*, трудности ее преодоления на пути выхода в бесконечность.

Этот экстатический выход может и должен сопровождаться катарсическим «растворением», «слиянием», в определенной степени самоотожествлением. Но с кем или с чем? И это, пожалуй, один из самых острых для психологии и педагогики вопрос. Человек должен входить в такие отношения только с тем, что (или кто) несет на себе «дыхание бесконечности». Красота и природа в этом случае подходят, а вот, например, политические идеалы – нет. Дело в том, что человек (особенно в юности) склонен наделять бесконечностью, открывшейся ему в нем самом и Мире, объекты, зачастую в действительности ею не обладающие. Тогда происходит то, что в христианстве называется «подмена». Например, потребность русского человека в харизматическом лидерстве привела к культу Ленина, затем Сталина. Таким образом, то, что П. Блос считал «регрессией», в действительности является абсолютно необходимым моментом подфазы юности, открывающим ворота для входа в личность.

Задача педагогики –
спасти юношество
от подмен

Спасти юношество от подмен – прямая и очень сложная задача педагогики. Не вдаваясь в эту сложность и глубину, можно сказать, что религиозное отношение к Миру, заложенное в детстве, может помочь решению этой задачи в юности.

Очень немного места в своей книге Р. Бернс отводит описанию социально-психологического подхода: «Для социально-психологического подхода главными понятиями в анализе юности являются социализация и роль» [34, с. 174]. Я также не буду на нем останавливаться. Во-первых, потому, что достаточно много уже

говорил об этом в очерке, а во-вторых, потому, что «социальная сущность человека» уже набила оскомину при чтении сочинений наших психологов (вплоть до предисловия и комментариев к рассматриваемой книге). Человек здесь при всех вариантах этого подхода в конце концов остается «биосоциокентавром». С предпочтением «социо».

Юность на пересечении психоаналитического и социологического подходов

Р. Бернс значительное внимание в разных местах книги уделяет Э. Эриксону, считая его авторитетной фигурой в западной, особенно американской, психологии и педагогике. «Научно-теоретический синтез Эриксона (1963) можно рассматривать как соединение двух описанных выше подходов к изучению проблем юности. По Эриксону, биологическое созревание и биологические побуждения взаимодействуют с социальными ролями, ожиданиями и требованиями на всем протяжении жизни человека. Это взаимодействие на каждой стадии развития приводит к возникновению кризиса» [34, с. 176]. Таких стадий Эриксон насчитывает восемь. На каждой из них – своя форма установления «идентичности». «Если рассматривать юность на пересечении психоаналитического и социологического подходов, как это делает Эриксон, то эту пору жизни можно определить как период физической зрелости и социальной незрелости: то есть ребенок гораздо раньше становится взрослым в плане физиологии, чем способным эффективно принимать на себя взрослые роли» [34, с. 195]. (Х. Ортега-и-Гассет охарактеризовал эти взрослые роли, назвав XX век веком самодовольных недорослей.) Дальше выясняется, что все дело в последовательном принятии взрослых ролей: «Важнейшим механизмом формирования идентичности являются, по Эриксону, последовательные идентификации ребенка со взрослыми. Возможность таких идентификаций составляет необходимую предпосылку развития, ибо психосоциальная идентичность в конечном счете возникает как их постепенный синтез. Если между различными моделями, с которыми идентифицируется ребенок, возникает конфликт, он выражается в соответствующих психологических проблемах ребенка» [34, с. 199]. Итак, ребенок идентифицируется с психосоциальными «моделями». Ни о какой бесконечности, а следовательно, и личности не может быть и речи.

Восемь стадий онтогенеза человека не имеют под собой научного обоснования

Э. Эриксон различал восемь стадий онтогенеза человека, каждой из которых он приписывает пару противоположных характеристик, таких, например, как доверие – недоверие, самостоятельность – нерешительность,

предприимчивость – чувство вины и т. д., считая их определяющими развитие на данной стадии. Однако никакого общетеоретического принципа ни для выделения этих стадий, ни для характеристик каждой из Э. Эриксона не делал. Складывается впечатление, что эти стадии взяты частично чисто эмпирически, частично подогнаны к стадиям, выделяемым классическим психоанализом, и вообще *ad hoc*.

Периодизации Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина и, например, В.Ф. Моргуна и Н.Ю. Ткачевой [35], исходящие из «деятельностного подхода», при всей односторонности этого подхода (о чем говорилось выше) выглядят несравненно глубже, теоретичнее и обоснованнее.

Подводя итог, можно сказать, что все три подхода, разобранные Р. Бернсом, никакого серьезного отношения к личности иметь не могут, оставаясь в рамках упомянутого представления человека как кентавра, задняя часть которого – «биологическое», а передняя – «социальное». При этом психоаналитики предпочитают «зад», социопсихологи – «перед», а Э. Эриксону нравятся и то и другое.

Можно было бы взглянуть с точки зрения философии и на другие направления психологии. Некоторые из них (например, юнгианская психология, гештальт-психология, гуманистическая психология и т. д.) при этом выглядят более глубокими и привлекательными, чем приведенные выше, но последние считаются наиболее на сегодня репрезентативными.

Что касается советской психологии, то я уже обращал внимание на ее идеологически-заклинательный характер и замкнутость в материализме, что вовсе не исключает интереснейших наблюдений, находок и отдельных соображений.

Приведу два примера из книги «Психология современного подростка»: «Если в 10–11 лет 88 % подростков активно положительно относятся к общественно полезным делам, то в 13–14 лет это число сокращается до 71 %, а к 15 годам – до 56 %» [36, с. 129]. Авторы фактически «засекли» наступление во внутреннем развитии фазы рефлексии, связанной с обособлением, с «оукливанием», необходимым для превращения в бабочку. Не предполагая этого изначально, они видят внешние причины такого «неблагополучия» в недостаточном прессинге «целенаправленно организованной системы деятельности». Авторы озабочены «формированием коллективистического отношения подростков к организационно-

Подросток
в понимании
советской
психологии

общественной деятельности». Изучая в этом отношении воспитанников школы-интерната, они разделили их на шесть групп. К первой были отнесены «подростки с активно положительным коллективистическим по своим мотивам отношением к организационной деятельности». Таких оказалось 10 %. Ко второй – «с активно положительным эгоистическим отношением к рассматриваемой деятельности». Их было 23 %. К третьей – «с активно отрицательным отношением» – 10 %. К четвертой – «открыто противопоставляющие себя коллективу, с активно отрицательным отношением к организационной деятельности» – 17 %. К пятой – «с пассивно-индифферентным отношением к рассматриваемой деятельности, но при коллективистической направленности личности» – 13 %.

К шестой – «с пассивно-индифферентным отношением к организационной деятельности и эгоистической направленностью личности». Они стараются уклониться от всякой деятельности – 27 % [36, с. 140–142].

Образец для авторов – первая группа. Для каждой из остальных предлагаются воспитательные рецепты, помогающие им «исправиться» и стать похожими на первую. Таким образом, происходит нивелировка уникальных, неповторимых личностей, каждая из которых к тому же, возможно, проходит свою фазу развития. В том числе такую, которой «коллективность» противопоставлена. Либо они станут бунтарями (их, возможно, много в четвертой группе, кажущейся мне наиболее перспективной в плане личностного развития. Вспомним сэлинджеровского героя), либо воспитатели их сломают, превратив в безликую массу или что-то подобное замятинскому «Мы».

*Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.*

[М. Волошин]

Воспитательные
рецепты

Вопрос
о необходимости
придания
социальной
значимости
художественной
деятельности

Интересно, что в книге «Психология современного подростка» [36, с. 140–142] говорится о том, что художественная и спортивная «деятельности» также должны быть связаны с общественной пользой. Но вот беда: «...количество подростков, ответивших: «Когда я рисую, я отдыхаю» (16,8 %), в четыре раза превышало число детей (4,3 %), руководствовавшихся в изобразительной деятельности мотивом пользы для людей, общества» [36, с. 149]. Этот «непорядок», конечно, должен

быть исправлен: «По-видимому, одним из наиболее эффективных путей совершенствования эстетического воспитания и художественного образования является придание художественной деятельности социальной значимости, то есть превращение ее в вид общественно полезной деятельности» [36, с. 150]. Насколько же мудрее эти 16,8 % подростков своих воспитателей, способных такое написать!

Педагоги-новаторы

Приблизительно такая же картина во всех психологических и педагогических сочинениях наших ученых.

Но существуют педагоги-новаторы (некоторые из них превращаются в бунтарей), педагогический талант которых прорывается сквозь «научную» психологию и педагогику и даже сквозь непробиваемую стену нашей системы образования. Иногда это удается целым педагогическим коллективам. Таким, например, как школа № 734 в г. Москве, основанная А. Н. Тубельским. Они экспериментируют, ищут и интуитивно находят замечательные методы и приемы воспитания личности. Они сами действуют как личности, потому находимые ими методы являются их собственными, связанными с их личностью и соответствующим личностным коллективом. Они могут служить примером, будить мысль и интуицию, но не могут быть скопированы или механически заимствованы другими педагогами (другими личностями) или коллективами. Но иногда «ученые» психологические и педагогические сочинения дезориентируют их, сбивают с толку.

Пример личностного воспитания подростков

Существует замечательная книга О. В. Липина и А. К. Лишиной «Это нужно живым» [37]. В ней рассказывается об одном из эффективных путей личностного воспитания подростков, и не только подростков, так как многие из участников этой работы уже давно вышли из подросткового возраста, поскольку она ведется с 1981 года. Это поиск и захоронение непогребенных останков солдат Великой Отечественной войны, сопровождаемые попытками установить их имена и судьбы. Книга хороша, прежде всего, по тону и образности рассказа. Она вызывает глубокое сочувствие к павшим на полях сражений и восхищение работой отрядов поисковиков – подростков, отыскивающих, откапывающих в труднейших условиях эти останки, отмывающих кости, собирающих любую информацию о погибших. Книга рассказывает, как формируются эти отряды, как постепенно меняется психика ребят, возникают коллективы личностного типа (очень коротко о таких коллективах говорилось выше), представляющие собой благоприят-

ную среду для развития нравственной личности. Эта книга о «вечной памяти» и нашем «беспамятстве», о равнодушии и черствости наших общественных и социальных организаций.

Громадный дар
воспитателей

Книга обнаруживает горячую личную заинтересованность авторов – практических организаторов отряда «Дозор», их громадный дар как воспитателей и одновременно... непонимание всей глубины и серьезности того, что они делают. Здесь тоже говорится о потребностях общества, коллективистической и индивидуалистической направленности личности [37, с. 68–69]. Здесь замечательные, идущие от сердца слова против индивидуализма и одновременно неразличение индивидуальности и личности [37, с. 17], коллектива, связанного совместной деятельностью, и коллектива личностного [37, с. 74]. Много очень интересного говорится о коллективности, как ее понимают авторы. И все это, мне кажется, требует корректировки, поскольку не говорится о том главном, чего практически достигают в своей работе поисковые отряды. Это главное – непосредственное соприкосновение поисковиков с «последними вопросами», со своим глубинным личностным «Я», а следовательно, с бесконечностью и Тайной себя и Мира.

Соприкосновение
со смертью –
сильнейший стимул
переоценки
жизненных
ценностей

Соприкосновение со смертью – один из сильнейших стимулов переоценки ценностей жизни и придания им правильной иерархии и смысла. В христианстве это называется «памятование смерти». Безусловно, это сильнейший фактор, способствующий катарсическим переживаниям, преобразующим внутренний мир каждого и ведущий к преображению коллектива. Этот же выход дает колоссальную энергию и положительный эмоциональный заряд, без которых участники поисковых отрядов просто не смогли бы делать то, что они делали. Иногда внутренний выход за грань обыденщины совершается как мгновенный прорыв или озарение. Вот как об этом пишет девушка 16 лет: «В самый последний день раскопа я вдруг осознала, что омываю в озере кости людей, которые не намного старше меня, которые жили на земле и которых сейчас уже нет. Это был момент прозрения. Я сидела, задумавшись, не больше трех минут, но эти три минуты показались мне очень длинными» [37, с. 7].

Это выход в область
духа, актуальной
бесконечности...

Это выход в область духа, актуальной бесконечности, трансцендентную не только социальности, но и всем конечным формам наличного бытия. Только в одном месте книги [37, с. 88] я встретил намек на понимание выхода в эту область: «И тем не менее наша работа не

допускает чисто утилитарного подхода, необходим подход духовный. Иначе – зачем собирать в земле старые кости? Чтобы снова уложить их в землю, только в другом месте?» Прекрасно! Я бы только снял слово «чисто», так как, согласно авторам, выходит, что все-таки первенство сохраняет подход утилитарный (хотя все содержание и тон книги направлены против него), но «загрязненный» духовностью. Мне кажется, здесь более подходящим обратное отношение. И, кроме того, я добавил бы еще один вопрос: «Какая от всего этого социальная польза?» Здесь я больше не могу говорить об этой книге, она заслуживает более обстоятельного разговора.

Воспитание детской души по В. Зеньковскому

Несколько слов я должен сказать о книге В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» [38]. К сожалению, я познакомился с ней, когда настоящий текст был уже написан, и потому могу о ней лишь кратко упомянуть, хотя она заслуживает большого и серьезного разговора.

Дело в том, что я встретил в ней идеи, касающиеся положения философии, психологии и педагогики в современной цивилизации, близкие к тем, которые в течение многих лет я сам пытался «проповедовать» доступными мне средствами (главным образом в курсах и циклах лекций, поскольку доступ к их публикации был закрыт) и к которым я пришел по другим основаниям, чем В. Зеньковский. Здесь для меня один из случаев описанной мной в упомянутой статье о С. Л. Рубинштейне «конвергенции», которая, как и во многих других случаях, доходит до совпадения применяемых терминов*.

Периодизация онтогенеза как смена противоположных фаз

В. Зеньковский предложил периодизацию онтогенеза как смену противоположных фаз. Причем основанием различения фаз служит либо уход в божественную свободу и бесконечность, либо адаптация к наличному социальному бытию. Написано это прекрасным, образным и настоящим культурным русским языком, от которого нас усиленно отучают средства массовой информации (особенно телевидение и радио) и наши политики и общественные деятели. Язык книги В. Зеньковского напоминает мне язык некоторых мест работы С. Л. Рубинштейна «Человек и Мир». Не могу не привести хотя бы несколько отрывков.

«Раннее детство»: дитя дышит дыханием бесконечности

Из описания «раннего детства» (по Зеньковскому – от грудного возраста до 5,5–7 лет): «То, что сквозь внеш-

* Например, у В. Зеньковского я встретил термины «фаза» и «дыхание бесконечности», которыми сам широко пользовался. Причем примерно в том же значении, что и В. Зеньковский.

нюю оболочку физического или социального мира для детской души раскрывается таинственная и манящая к себе сфера смыслов, которые дитя пытается постигнуть, – что детская душа наполняется горячим и страстным желанием проникнуть в ту светящуюся сферу, откуда лучи освещают для него мир, – что дитя не просто живет в мире, не просто ориентируется в нем и приспосабливается к нему, но любит мир, живет горячим и страстным к нему интересом, стимулирующим всю психическую жизнь – это является величайшим свидетельством того, что и в ребенке идет подлинная духовная жизнь, зажигающая его душу влечением к Бесконечности» [38, с. 107]. «Не зная ни умом, ни в слове, что в нем зреет, дитя дышит этим дыханием бесконечности – просто, безопасно, наивно, но и непосредственно, живо, глубоко» [38, с. 111].

«Второе детство»: стремление приспособиться к миру социальной жизни

Период «второго детства» (от 5,5–7 до 11,5–13 лет): «...кончается период благодатной целостности, детская невинность исчезает навсегда – дитя устремляется к миру. Отсюда же характерные черты, которые мы находим во втором детстве – стремление приспособиться к миру и людям, к порядкам и законам природы и социальной жизни... духовная жизнь, почти всецело обращенная в эту сторону, сразу мелеет, теряя ту перспективу Бесконечности, в которую еще недавно она уходила всей душой» [38, с. 114]. «Для религиозной жизни пора второго детства в общем неблагоприятна» [38, с. 115].

«Отрочество»: уверенность в правоте своего мира и вкус к асоциальности

О подростке («отрочестве», от 11,5–13,0 до 15–16,5 лет): «Острый и упорный ирреализм, нежелание считаться с реальностью, уверенность в праве жить своим миром и придает всем замыслам и желаниям характер мечты, которая изолирует подростка от социального мира. Этот период, тоже по контрасту и с ранним и вторым детством, имеет большой вкус к асоциальности – к уединению и одиночеству, к трагической непонятности и ненужности никому, вообще к оторванности от всего и от всех» [38, с. 118]; «...намечается болезненный, но почти неизбежный, можно даже сказать, нормальный (для юношей) разрыв сексуальности и эротики...»; «...объективный анализ легко устанавливает связь этого нового самоощущения, мечтательности, обособления, морального импрессионизма с цветением поля, которое подводит подростка к внутренней бесконечности, к внутренней бездне. Бессознательное ощущение бесконечности, бездонности того, что в нем живет ныне, духовно отрывает от мелководья реализма, увлекает на безбрежный простор того неясного и темного, но сильного, сладостного, что трепещет в глубине души»; «Наступает

странный рецидив того, что было в раннем детстве... Воображение занимает непомерное место в душе, но оно не преобразует, не одухотворяет реальность, как в раннем детстве, а наоборот, устраняет реальность, заменяет ее» [38, с. 119].

«Юность» – период внутреннего единства и творческой целостности

О юности (от 15–16,5 лет до наступления зрелости): «Диалектика духовного и психофизического развития подходит к своему завершению, когда наступает юность, синтетически соединяющая все предыдущие периоды, чтобы дать возможность личности вступить в новую фазу – зрелости. <...> Наконец, от отрочества в юность привходит могучая сила пола, но как бы укрощенная и просветленная в светлом развитии эроса, обычно находящего свой объект, в восторженном поклонении которому расцветают все лучшие силы души. Юность, по существу, является периодом органическим, периодом внутреннего единства и творческой цельности, периодом увлечений и вдохновения, энтузиазма и доверчивого отношения к миру и людям. Юность богата силами, полна творческих замыслов, поразительна в своем идеализме, смела, порывиста, но вместе с тем добра и великодушна» [38, с. 121].

В. Зеньковский писал о нормальных фазах развития...

По причине, указанной выше, я оставляю книгу В. Зеньковского без комментариев. Приведением этих отрывков я хочу «заманить» читателя, сподвигнуть его на прочтение этой книги. Кроме того, мне хочется поставить вопрос: книга была написана шестьдесят лет назад. Много ли найдется сейчас детей, которым уготовано пережить такое детство и такую юность? Между тем это – нормальные фазы развития полноценной личности. А те, кому это удастся, сумеют ли в наступающем на нас мире рыночной экономики сохранить «дары юности»?

Заключение

Сущностные цели данного очерка

В заключение я должен сказать, что преследовал в очерке две довольно определенные и узкие цели: 1 – спасти нашего подростка от психологов и педагогов, желающих его во что бы то ни стало социализировать; 2 – показать, что философия необходима психологу и педагогу для того, чтобы он не был в положении человека, который не ведает, что творит. Поэтому изложение было сконцентрировано именно на этих целях, что оставило за бортом многие не менее, а может быть, и более важные вопросы, в том числе и касающиеся подростка (например, не развернуты или вовсе не затронуты вопросы о свободе и ответственности, о любви, о противоположности морали и нравственности, «последние вопросы» только упомянуты, хотя существует

огромное количество литературы, посвященной их обсуждению. То же можно сказать о религии и церкви и т. д.). Но зато затронутые в очерке вопросы мне хотелось изложить не «научнообразно», а подключив к ним разнообразный материал, который мог бы затронуть эмоциональное восприятие читателя, прорвав его представление о человеке, навязанное господством вещиности, в том числе и наукой. Может быть, «прорвав» – это слишком громко сказано. Ну хотя бы сделал в нем некоторые «дыры».

Смена фаз в онто-
и филогенезе
личности

Идея смены фаз в онто- и филогенезе личности, вводящая в это развитие обязательное соприкосновение с областью актуальной бесконечности, представлена здесь в самой общей форме: как гипотеза, могущая служить одним из возможных оснований для периодизации онтогенеза.

Фазы обрисованы грубо и схематично, чтобы подчеркнуть главное – их противоположность друг другу. Почти ничего не сказано о фазах, где трансцендирование господствует над рефлексией, то есть фазах, для которых включение в общество – естественный процесс. Все изложение было связано с подростковым и юношеским возрастом, где определяющей, по моему мнению, является рефлексия.

При этом фазу рефлексии, включающую в себя созерцание, нельзя представлять как непрерывный покой и неподвижность, хотя такие моменты (созерцание) необходимо в ней присутствуют. Она может сопровождаться разнообразной деятельностью, но важно то, что внутреннее состояние и переживание реальности не задано этой внешней деятельностью, предметностью. Оно определяется трансцендентной глубиной отношения с Миром как Целым.

Философия
необходима
психологу и педагогу

Что касается второй цели – показать, что философия необходима психологу и педагогу, то я попытался взглянуть «глазами философа», главным образом, на «научнообразные» направления психологии, включая советскую. Я полагаю, что они приносят наибольший вред подростку, воспитанию вообще, да и самим психологам.

Например, «трансперсональная» и гуманистическая психологии стоят в этом отношении особняком, и философский разговор о них также должен быть особый. О моем отношении к гуманистической психологии читатель может узнать из рецензии [39].

Натиск новых
глубоких
и соблазнительных
подмен

В последних строчках очерка мне хотелось бы обратиться ко всем, кто так или иначе имеет отношение к воспитанию наших подростков. Ситуация крайне сложная. С одной стороны, уничтожение идеологического пресса,

штамповавшего социальных функционеров и конформистов, как будто бы открывает дорогу воспитанию личности; с другой стороны, хлынувшая в образовавшийся вакуум и связанная с господством рыночных отношений идеология индивидуализма, вещизма и ее продукт – «массовая культура» являют собой более глубокую, тонкую и соблазнительную подмену всего собственно человеческого и личностного, угрожающую стереть все своеобразие России и, включив ее в систему западной цивилизации, лишить собственной исторической судьбы.

Филогенез личности в западной цивилизации застрял на уровне подросткового самосознания

В мире нашего подростка мы имеем, возможно, реликтовый материал – существо, из которого может произрасти подлинная личность

Филогенез личности в западной цивилизации «застрял» на подфазе подростка, специализировался на ней, остановился и начал разлагаться. Резонируя с соответствующей подфазой онтогенеза, он препятствует переходу индивида в фазу юности.

Дорогие воспитатели! В лице нашего подростка вы имеете уникальный, может, уже в какой-то степени «реликтовый», материал – существо, из которого может вылететь бабочка личности. Не препятствуйте пройти ему фазу «окукливания». Помогите, а не терзайте, не разрушайте, не превращайте в вечную гусеницу (пять с лишним миллиардов гусениц дожевывают нашу прекрасную планету). Для такой помощи не пригодны «научные» штампы. Нужны любовь и глубокое понимание воспитателем того, что он делает (сравните хотя бы язык В. Зеньковского со штампованным языком «научной» психологии). Разумеется, для этого вы должны сами включиться в процесс становления самого себя как личности. В наших условиях это очень трудно, но все же легче, чем в условиях господства рыночной экономики. Вспомните, что «не боги горшки обжигают», что «под лежащий камень вода не течет». Удачи вам в этом трудном, но благородном деле!

Август – сентябрь 1994 г.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
2. Арсеньев А.С. Мышление психолога и проблема личности // Ежегодник «Культура, традиции, образование». – М., 1990. – Вып. 1. – С. 193–219.
3. Айламазьян А., Розин В. Культурная миссия или нашествие марсиан? // Человек. – 1991. – № 6. – С. 15–21.
4. Арсеньев А.С. Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 130–160.

5. *Арсеньев А.С.* Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа) // *Континент.* – 1992. – № 3 (73). – С. 132–161.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Глава о капитале // *Собр. соч.:* в 48 т. – Т. 46. – Ч. I. – М., 1974.
7. *Кле М.* Психология подростка. – М., 1991.
8. *Колосов Д.В., Мягков И.Ф.* Учителю о психологии и физиологии подростка. – М., 1986.
9. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М., 1976.
10. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. – М., 1992.
11. *Сент-Экзюпери А. де.* Планета людей. – Кишинев, 1973.
12. *Юнг К.Г.* Один современный миф. – М., 1993.
13. *Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. – Л., 1985.
14. *Арсеньев А.С.* Мышление психолога и проблема личности // *Культура – традиции – образование.* Ежегодник. – М., 1990. – С. 193–219.
15. *Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1986.
16. *Блохинцев Д.И.* Две ветви познания мира // *Техника молодежи.* – 1982. – № 3. – С. 18–28.
17. *Блохинцев Д.И.* Очерки по материалистической философии (рукопись).
18. *Бердяев Н.А.* Самопознание. – М., 1991.
19. *Мень А.* Сложность жизни // *Знание – сила.* – 1993. – № 1. – С. 83–88.
20. *Блохинцев Д.И.* Теория познания и современная физика. – М., 1984.
21. *Эйнштейн А.* Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики // *Собр. соч.* в 4 т. – Т. 4. – М., 1967.
22. *Планк М.* Единство физической картины мира. – М., 1966.
23. *Горбовский А.* Иные миры. – М., 1991.
24. *Графова Л.* Живу я в мире только раз. – М., 1984.
25. *Бёкк Р.* Космическое сознание. – Петроград, 1915.
26. *Сидоров В.* Ключ. – М., 1982.
27. *Блок А.* Избранное. – М., 1975.
28. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // *Проблемы общей психологии.* – М., 1976. – С. 253–381.
29. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. – М., 1963.
30. *Тойнби А.* Постигание истории. – М., 1991.
31. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – Нью-Йорк, 1954.

32. Булгаков С. Свет невечерний. – М., 1917.
33. Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – М. – Л., 1935.
34. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.
35. Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии. – М., 1981.
36. Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1987.
37. Лишин О.В., Лишина А.К. Это нужно живым. – М., 1990.
38. Зеньковский В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993.
39. Арсеньев А.С. Рецензия на статью Т. Грининга «История и задачи гуманистической психологии» // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 184–187.
-

